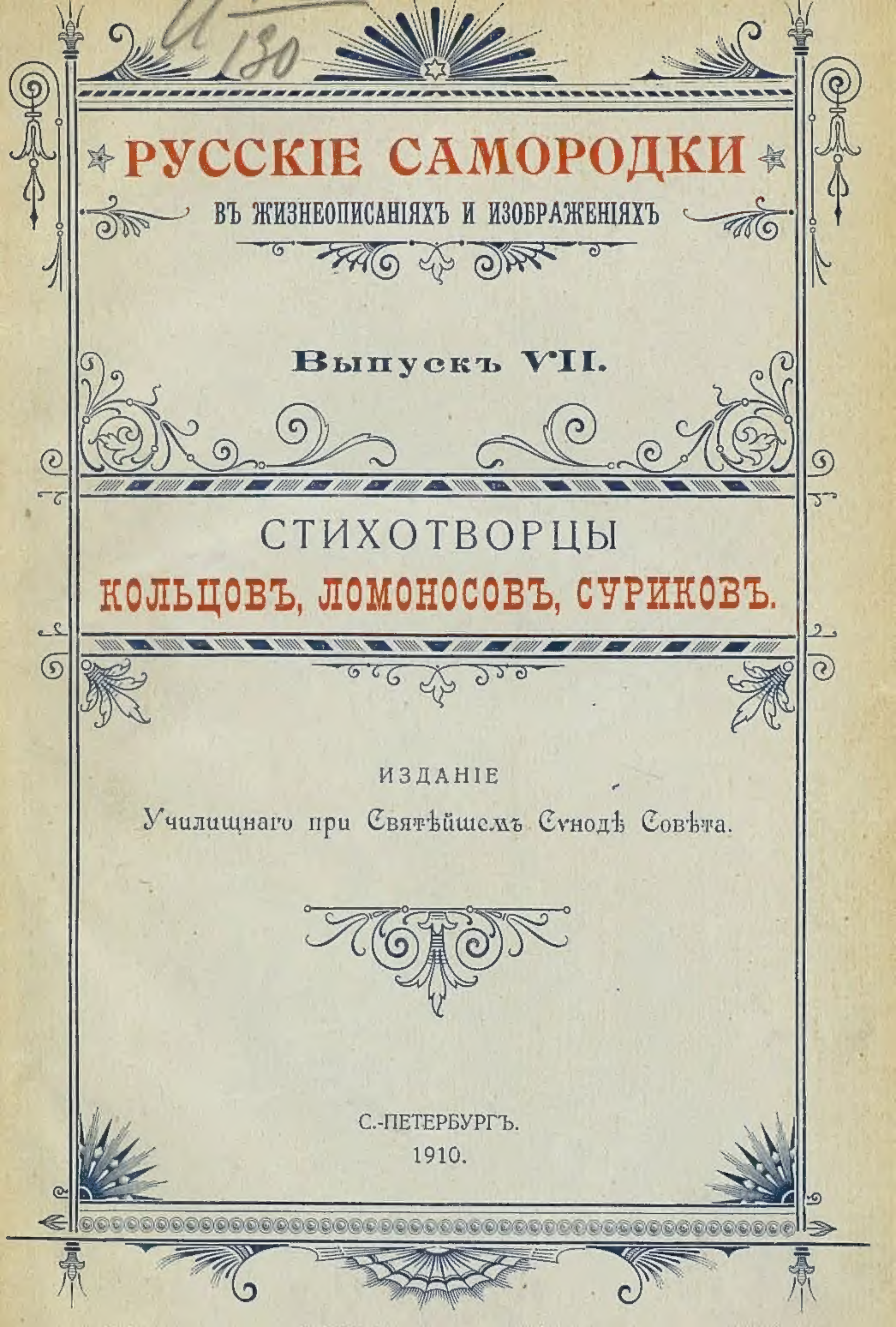
РУССКИЕ
САМОРОДКИ

7

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

Выпускъ VII.

СТИХОТВОРЦЫ
КОЛЬЦОВЪ, ЛОМОНОСОВЪ, СУРИКОВЪ.

ИЗДАНІЕ
Училищнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

РУССКІЕ САМОРОДКИ

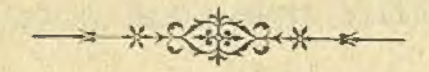
ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Выпускъ VII.

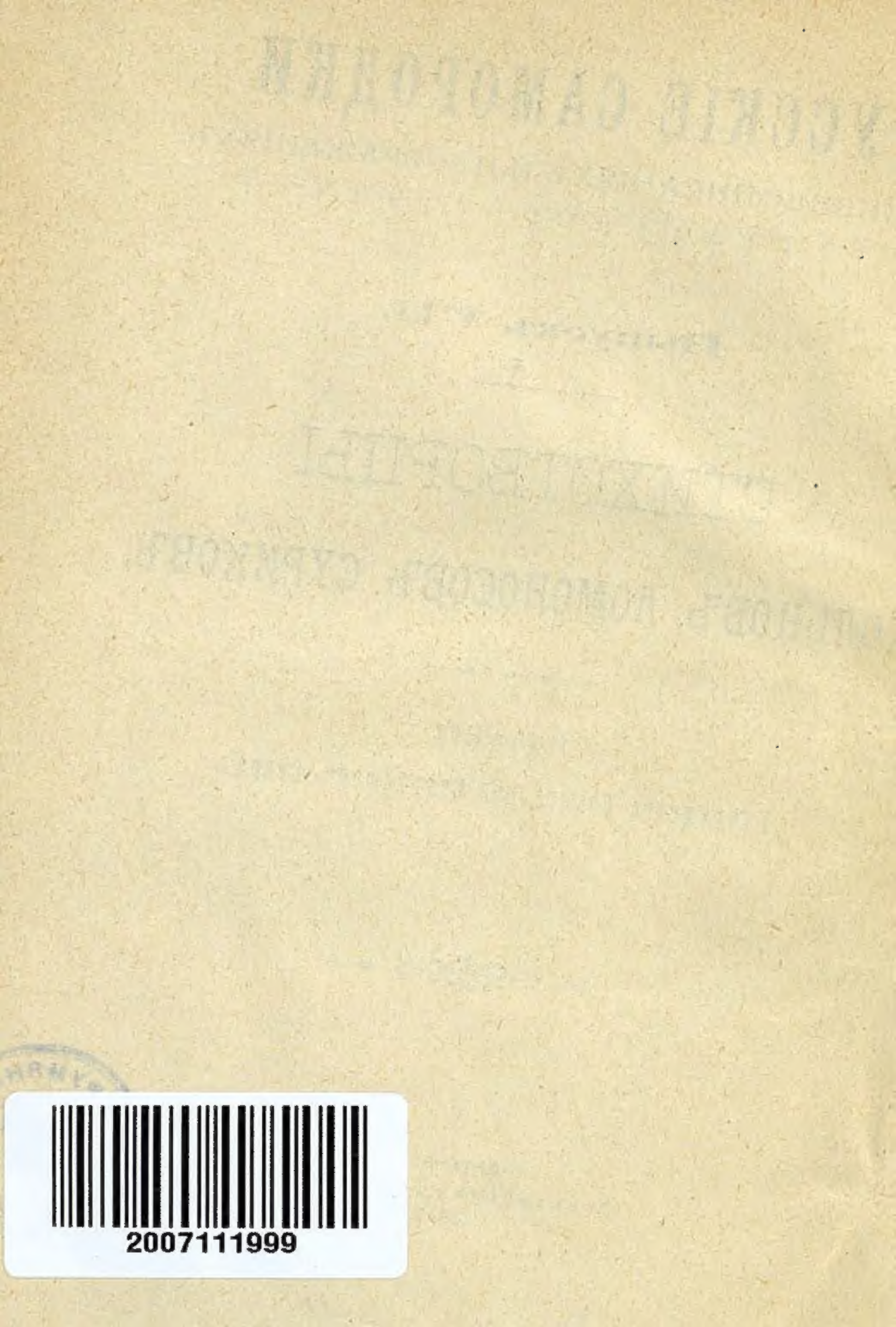
СТИХОТВОРЦЫ

КОЛЬЦОВЪ, ЛОМОНОСОВЪ, СУРИКОВЪ.

ИЗДАНІЕ
Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная типографія.
1910.

2007111999

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ,

стихотворецъ (1809—1842).

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ,

стихотворецъ (1809—1842).

Широкой русскою душою
Родную пѣсню онъ любилъ
И за нее въ борьбѣ съ судьбою
Погибъ, но ей не измѣнилъ.

Ея тоску постигъ онъ смѣло,—
Какъ соколъ, пѣсня понеслась
И всю отчизну облетѣла,
Въ родной душѣ отозвалась...

Мы съ нею плачемъ и горюемъ,
Съ судьбой-злодѣйкой не въ ладу,
И съ нею въ счастіи пируемъ,
Забывши слезы и бѣду.

И безъ нея косарь душистой
Не срѣжетъ травушки косой,
И жницы серпъ зарей росистой
Не тронетъ жатвы трудовой.

Съ ней пахарь въ колыбель святую
Съ надеждой зерна отдаетъ
И пѣснь про ниву золотую,
Плетясь за сивкою, поетъ.

Д. Варлыгинъ.

Кто изъ русскихъ людей не знаетъ имени Алексѣя Васильевича Кольцова, великаго народнаго поэта? Каждый изъ насъ училъ его стихотворенія въ школѣ, каждый изъ насъ поетъ его пѣсни въ минуты веселья и горя. Но далеко не всѣ знаютъ про жизнь Кольцова, про то, какъ изъ простого полуграмотнаго мальчика онъ сдѣлался знаменитымъ поэтомъ, которымъ справедливо гордится вся Россія. А между тѣмъ, жизнь его очень занимательна и поучительна.

Онъ родился 2 октября 1809 года въ Воронежѣ, въ зажиточной мѣщанской семьѣ. Обстановка, въ которой онъ жилъ, давала мало надежды на то, что изъ него можетъ выйти что-либо хорошее. Отецъ его былъ прасолъ *), доставлявшій скотъ на сапотопенные заводы, человѣкъ грубый и жестокій. Думалъ онъ только объ одной наживѣ и ради нея готовъ былъ идти на всякія плутни. «Его грудь такъ черства»,—писалъ позже о немъ Кольцовъ,—«что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли». Такимъ же жестокимъ и суровымъ, какъ въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, отецъ Кольцова былъ и въ семьѣ. Жена его, женщина тихая, добрая и сердечная, во всемъ подчинялась ему и потому не могла заступаться за дѣтей, когда мужъ, бывало, расходится и дастъ волю кулакамъ. Впрочемъ, пока Кольцовъ былъ ребенкомъ, онъ не особенно чувствовалъ отцовскій гнетъ. Отецъ постоянно занятъ былъ торговлей, мать—домашнимъ хозяйствомъ, и дѣти росли на свободѣ безъ всякаго присмотра.

Всѣхъ дѣтей у Кольцовыхъ въ это время было трое: Алеша и двѣ младшія сестры. Послѣднія, какъ дѣвочки, не пользовались той свободой, какъ Алеша, всецѣло предоставленный самому себѣ. Никто не заботился о томъ, гдѣ онъ пропадалъ цѣлыми днями, чѣмъ занимался, съ кѣмъ водилъ знакомства и т. д. Эта вольная жизнь

---

*) Гуртовщикъ-торговецъ скотомъ.

принесла не мало зла здоровью Кольцова. Однажды, бѣгая босикомъ по лужамъ, онъ простудился и заболѣлъ, и хотя скоро выздоровѣлъ, но долго еще чувствовалъ боль въ ногахъ. Въ другой разъ, когда ему было уже 16 лѣтъ, онъ на всемъ скаку упалъ съ лошади и такъ сильно ушибся затылкомъ о землю, что навсегда остался сутуловатымъ. Но, благодаря этой свободѣ, отдалявшей Кольцова отъ той жажды наживы, въ омутѣ которой жили окружающіе его взрослые,—въ немъ не заглохли тѣ хорошія способности души его, какими щедро надѣлилъ его Богъ. «Къ благодатной натурѣ Кольцова»,—писалъ его другъ, знаменитый писатель Бѣлинскій,—«не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ собственномъ мірѣ,—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая его домашняя жизнь».

На десятомъ году Алеша, по приказанію отца, сталъ готовиться для поступленія въ уѣздное училище, куда онъ и былъ принятъ черезъ годъ. Грамота легко далась Кольцову. Въ школѣ онъ подружился съ сыномъ богатаго купца Варгинымъ, и они оба вмѣстѣ пристрастились къ чтенію книгъ. Когда отецъ давалъ Кольцову деньги на игрушки или лакомства, то мальчикъ покупалъ книжки, особенно — сказки въ родѣ «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича». Недолго пробылъ

Кольцовъ въ школѣ. Увидя, что сынъ уже бѣгло читаетъ, пишетъ и считаетъ, старикъ Кольцовъ взялъ его изъ второго класса и приставилъ къ торговымъ дѣламъ. Зимой Алеша ѣздилъ съ отцомъ для закупки и продажи товара, лѣтомъ они отправлялись въ степь сторожить скотъ. Въ это время онъ хорошо ознакомился съ народною жизнью и глубоко полюбилъ природу.

«Алексѣю очень полюбилась степь съ своимъ привольемъ и раздольемъ»,—разсказываетъ Д. В. Григоровичъ.—«Мальчика забавляло, какъ раскладывали огонь и варили кашу на вольномъ воздухѣ. Ему весело было, иногда цѣлый день, не слѣзая съ лошади, перегонять стада съ одного мѣста въ другое. Зато иногда приходилось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ вѣтру, спать на голой, сырой землѣ, подъ шумъ дождя и подъ защитой какого-нибудь войлока или овчиннаго тулупа».

Такъ безмятежно прошли три года. На 16 году жизни судьба послала Кольцову первое испытаніе: умеръ его другъ Варгинъ, съ которымъ онъ и по выходѣ изъ школы частенько встрѣчался зимой, проводя долгіе вечера за чтеніемъ книгъ. Чтобы забыть свою печаль, Кольцовъ еще съ большимъ рвеніемъ принялся читать книжки, которыхъ осталось отъ его друга больше семидесяти. Въ это же время произошло одно обстоятельство, оказавшее огромное вліяніе на будущность Кольцова. Какъ-то разъ онъ купилъ на базарѣ стихотворенія

Дмитріева *) и принялся ихъ пѣть, думая, что это—пѣсни. Онѣ такъ понравились юношѣ, что онъ захотѣлъ и самъ сочинить что-нибудь похожее на пѣсни-стихи. Случай къ этому скоро представился. Одинъ изъ его пріятелей три ночи подрядъ видѣлъ одинъ и тотъ же сонъ. Пораженный этимъ, онъ разсказалъ о своемъ снѣ Кольцову, и тотъ рѣшилъ описать его въ стихахъ. Положивъ передъ собой стихотворенія Дмитріева, онъ сталъ подражать ему, проще говоря, подставлять вмѣсто словъ чужого стихотворенія свои, но такъ, чтобы при чтеніи или пѣніи получался бы тотъ же складъ. Первыя десять строкъ дались ему очень трудно, остальныя пошли скорѣе, и въ ночь уже было готово цѣлое стихотвореніе, подъ названіемъ «Три видѣнія». Стихотвореніе вышло, впрочемъ, очень плохое, и Кольцовъ позже уничтожилъ его, но съ этого времени почувствовалъ сильное влеченіе къ стихотворству.

Въ Воронежѣ была книжная лавка, а при ней небольшая библіотека купца Кашкина. Здѣсь то и бралъ молодой Кольцовъ стихотворенія разныхъ поэтовъ и украдкой отъ отца, часто ночью при свѣтѣ луны, перечитывалъ ихъ, а затѣмъ пробовалъ писать самъ. Но онъ не могъ судить, хороши ли его писанія или нѣтъ, и хотѣлъ узнать

---

*) Поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ жилъ въ 1760—1837 годахъ и написалъ, кромѣ другихъ произведеній, «Стонетъ сизый голубочекъ», «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ» и нѣсколько басенъ, которыя до сихъ поръ учатъ наизусть въ школахъ.

мнѣніе о нихъ знающаго человѣка. Такимъ человѣкомъ слылъ въ Воронежѣ Кашкинъ. Сначала онъ занимался хлѣбной торговлей, а затѣмъ открылъ книжную лавку и все время проводилъ за книгами. И вотъ, преодолѣвъ свою робость, Кольцовъ рѣшился показать ему свои стихи. Невзрачный, плохо одѣтый юноша понравился Кашкину, и старикъ сталъ относиться къ нему очень ласково. Кашкинъ самъ занимался иногда стихотворствомъ, нашелъ писанія Кольцова плохими, но утѣшилъ молодого поэта, сказавъ, что для писанія хорошихъ стихотвореній необходимо знать правила, какъ ихъ слагать. При этомъ онъ подарилъ Кольцову книжку, гдѣ были изложены эти правила, называвшуюся «Просодіей», и предоставилъ безплатно пользоваться книгами своей библіотеки. Въ это время Кольцовъ прочелъ стихотворенія Жуковскаго, Пушкина и Дельвига, отъ которыхъ былъ въ восторгѣ. Тогда же Кашкинъ познакомилъ его съ нѣсколькими молодыми людьми, которые такъ же, какъ и онъ, любили чтеніе и сами писали стихи. Все это случилось въ 1826 году, съ какого времени Кольцовъ становится уже извѣстенъ въ Воронежѣ, какъ стихотворецъ.

Въ слѣдующемъ году, когда Кольцову было 17 лѣтъ, въ его жизни произошло событіе, оставившее навсегда глубокій слѣдъ въ его душѣ. Въ домѣ Кольцовыхъ были крѣпостныя служанки, которыя покупались на имя какого-нибудь помѣщика, такъ какъ лицамъ податныхъ сословій за-

конъ запрещалъ имѣть крѣпостныхъ. Одна изъ этихъ служанокъ, бывшая скорѣе какъ бы подругой сестеръ Кольцова, чѣмъ прислугой, красавица Дуняша, полюбилась Кольцову, и онъ хотѣлъ на ней жениться. Она также полюбила его. Но отецъ, конечно, думалъ о болѣе богатой женѣ для сына и, воспользовавшись его отъѣздомъ, продалъ Дуню. Узнавъ объ этомъ, Кольцовъ такъ огорчился, что слегъ въ постель, схватилъ сильную горячку, нѣсколько дней провелъ въ бреду и едва не умеръ. Оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ рыскать по степи, отыскивая слѣдъ любимой дѣвушки, но она какъ бы въ воду канула. Воображеніе Кольцова рисовало ему, что она была продана на Донъ, въ казачью станицу, и тамъ скоро зачахла, что она умерла въ тоскѣ, въ разлукѣ или отъ жестокаго обращенія. Эта несчастливая первая любовь взволновала Кольцова, заставила его изливать свое горе въ стихахъ,—и онъ написалъ о ней нѣсколько грустныхъ стихотвореній. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ «Тоска о милой» и написанномъ въ томъ же году, онъ говоритъ:

Въ чужой странѣ далеко,
Съ тобою разлученъ,
Скитаюсь одинокій,
Лишь милой оживленъ.
Тобою только въ страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, въ лютой части
Кончаю жизнь свою,
Я вяну повсечасно
И сердцемъ и душой.
Въ разлукѣ жить ужасно,
О, милая, съ тобой!

Свою тоску по милой онъ выразилъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ черезъ нѣ-

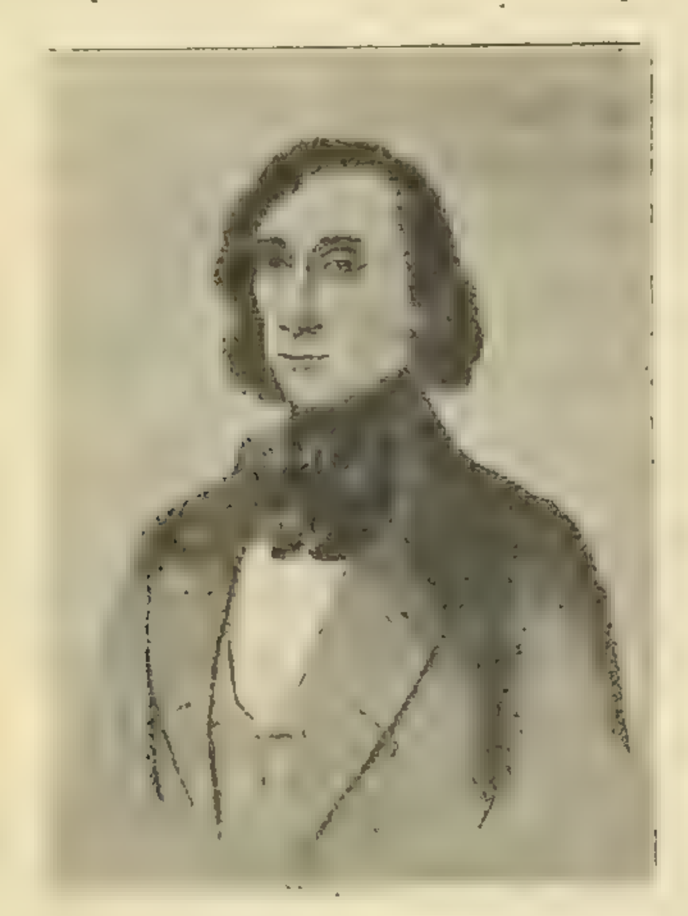
сколько лѣтъ. Особенно сильно эта тоска-злодѣйка звучитъ въ слѣдующихъ строкахъ:

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ.
Ты не пой, косарь,
Про широку степь:
Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь.
Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе
Не своей душѣ,—
Душѣ дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Очи полныя
Полюбовныхъ думъ.
И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица.
Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердцѣ
Дума черная.

Такъ сильно привязался Кольцовъ къ своей Дунѣ, что всю жизнь не могъ забыть ее и постоянно горевалъ о ея злой судьбѣ. Когда, десять лѣтъ спустя, Кольцовъ разсказывалъ о своей первой любви другу, то «лицо его было блѣдно, слова съ трудомъ и медленно выходили изъ его устъ, и, говоря, онъ смотрѣлъ въ сторону и внизъ». На самомъ же дѣлѣ судьба Дуни не была такой плохой, какъ рисовалъ ее себѣ Кольцовъ. Но объ этомъ поэтъ не зналъ, и вслѣдствіе этого долго мучился и страдалъ. Какъ потомъ выяснилось, она дѣйствительно была продана на Донъ, но здѣсь вышла замужъ за урядника и жила довольно счастливо. Когда Дуня, уже послѣ смерти Кольцова, пріѣхала въ Воронежъ, то была у его матери и сестры. Единственнымъ утѣшеніемъ для Кольцова въ его горѣ стало стихотворство и разговоры съ пріятелями,

между которыми онъ особенно близко сошелся съ семинаристомъ Сребрянскимъ. Послѣднiй самъ писалъ хорошiе стихи, охотно поправлялъ стихи Кольцова и давалъ ему очень дѣльные совѣты. Но эта дружба продолжалась недолго. Скоро Сребрян-

Н. В. Станкевичъ, другъ и покровитель А. В. Кольцова.

скiй уѣхалъ въ столицу, для поступленiя въ Военно-Медицинскую Академiю. Въ это время завелось у Кольцова еще одно знакомство, принесшее ему много добра, именно, со студентомъ Станкевичемъ, впослѣдствiи—знаменитымъ другомъ выдающихся русскихъ писателей въ Москвѣ. У отца Станкевича былъ винокуренный заводъ, на которомъ откармли-

вался на бардѣ скотъ Кольцовыхъ. Однажды, ложась спать, студентъ Станкевичъ никакъ не могъ дождаться своего слуги. Когда же тотъ явился, Станкевичъ спросилъ его: гдѣ онъ застрялъ?

— Прасолъ Кольцовъ ужиналъ съ нами,— отвѣтилъ лакей,—и читалъ намъ свои пѣсни и стихи... Очень хорошо! Вотъ я и замѣшкался.

Заинтересованный поэтомъ-прасоломъ, Станкевичъ на другой же день познакомился съ нимъ.

Наконецъ, въ 1830 году появились въ печати и первыя три стихотворенія Кольцова, которыя помѣстилъ въ своей книжкѣ проѣзжавшій черезъ Воронежъ одинъ мелкій писатель. Но о Кольцовѣ заговорили, какъ о настоящемъ поэтѣ, только тогда, когда Станкевичъ помѣстилъ его стихотвореніе «Перстень» въ «Литературной Газетѣ», которую тогда читали наиболѣе образованные люди. Вотъ это стихотвореніе:

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова...
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, ростопи
Чисто золото.
Безъ него для меня
Ты не надобно:
Безъ него на рукѣ—
Камень на сердцѣ.
Что взгляну,—то вздохну,
Затоскуюся,

И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.
Возвратится ли онъ?
Или съ вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?
Нѣтъ надежды въ душѣ.
Ты разсыпься же
Золотою слезой,
Память милова!
Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Черезъ годъ Кольцовъ первый разъ пріѣхалъ по дѣламъ отца въ Москву и остановился у Станкевича. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ писателемъ Бѣлинскимъ, съ которымъ впослѣдствіи очень близко сошелся. Станкевичъ предложилъ Кольцову издать его стихи отдѣльной книжкой: она и вышла изъ печати въ 1835 году, доставивъ поэту большую славу. Знакомства въ столицѣ съ образованными людьми, разговоры съ ними развивали умъ Кольцова, и когда онъ вернулся въ Воронежъ, ему стало скучно. Та торгашеская дѣятельность, которою онъ волею-неволею занимался раньше, которая основана на божбѣ и надувательствѣ простака-покупателя, на прижимѣ работниковъ, конечно, не удовлетворяла его, но бросить ея онъ не могъ, такъ какъ отъ этого зависѣло благосостояніе всей семьи. А между тѣмъ, его нѣжная, чувствительная душа страдала отъ этого. Но пока Кольцова радовали новые московскіе знакомые и успѣхи въ поэзіи. Кромѣ того, и въ семьѣ ему жилось хорошо. Видя, какъ онъ прилежно велъ торговое дѣло, отецъ уже не мѣшалъ въ его занятіяхъ стихотворствомъ. Много радостей доставляла ему и дружба его съ младшей сестрой Анисьей.

Такъ прошло—въ торговлѣ, чтеніи книгъ, писаніи стиховъ—около пяти лѣтъ, единственныхъ болѣе или менѣе счастливыхъ въ горемычной жизни поэта. Въ началѣ 1836 года Кольцовъ снова поѣхалъ въ Москву по дѣламъ отца, а от-

туда въ Петербургъ. Въ этотъ прiѣздъ онъ подружился съ Бѣлинскимъ и познакомился со многими знаменитыми писателями, напримѣръ, съ поэтомъ и воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Александра II, Василiемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, у котораго бывалъ въ Зимнемъ дворцѣ, съ княземъ Одоевскимъ, съ княземъ Вяземскимъ и знаменитымъ поэтомъ Пушкинымъ. Встрѣча съ Пушкинымъ была самой торжественной минутой въ жизни Кольцова. Вотъ какъ она произошла. У писателя Плетнева былъ вечеръ. На вечеръ пригласили и Кольцова, гдѣ онъ и познакомился съ великимъ поэтомъ, сильно желавшимъ увидать «поэта-самоучку». Но то вниманiе, съ которымъ всѣ относились къ Кольцову, не вскружило ему голову, не заставило его возгордиться. Онъ попрежнему съ большой скромностью относился къ себѣ. Когда хозяинъ на этомъ вечерѣ попросилъ его прочесть одно изъ его стихотворенiй, Кольцовъ страшно смутился и отказался. Послѣ онъ объяснилъ свой отказъ:

— Что же я сталъ бы читать? Тутъ Александръ Сергѣевичъ (Пушкинъ) только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ...

Такъ благоговѣлъ Кольцовъ передъ Пушкинымъ. А когда знаменитый поэтъ былъ убитъ на поединкѣ, Кольцовъ посвятилъ ему свое прекрасное стихотворенiе «Лѣсъ».

Знакомство съ видными писателями, жившими въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дало возможность

Кольцову помѣщать свои стихотворенія въ лучшихъ журналахъ, такъ что скоро онъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Этому особенно способствовалъ Бѣлинскій, написавшій о стихотвореніяхъ Кольцова цѣлую статью и познакомившій русскихъ читателей съ его жизнью. Кромѣ того, онъ много сдѣлалъ и для умственнаго просвѣщенія Кольцова. Познакомившись съ образованными людьми и видя недостатки своего образованія, Кольцовъ жадно стремился его пополнить. «Пусть человѣкъ, хоть какой умный», —писалъ онъ въ это время одному знакомому,—«а не умѣй грамотѣ, не прочтешь и вздорной сказки... Прежде я таки, грѣшный человѣкъ, думалъ о себѣ и то и то; а теперь, какъ кровь угомонилась, такъ осталось одно желаніе въ душѣ—учиться»!

Немудрено поэтому, что по пріѣздѣ въ Воронежъ его приняли «противу прежняго въ десять разъ радушнѣе». Отецъ былъ радъ, что, благодаря связямъ сына съ знатными людьми, особенно съ Жуковскимъ, его тяжебныя дѣла въ столичныхъ судахъ и канцеляріяхъ шли хорошо, а знакомые и пріятели Кольцова были довольны имъ, какъ человѣкомъ, котораго знала вся читающая Россія. Они гордились своимъ знаменитымъ землякомъ и дорожили знакомствомъ съ нимъ.

Но это доброжелательное настроеніе скоро исчезло. Кольцовъ нашелъ торговыя дѣла отца разстроенными, такъ какъ отецъ уже не могъ ими заниматься съ прежнимъ усердіемъ, а когда онъ

сталъ ихъ поправлять, то встрѣтилъ со стороны отца упреки и противодѣйствіе. Отецъ не могъ перенести мысли, чтобы его «учили».

— Ты не мѣшайся въ мои дѣла, не учи! Въ книжкахъ смыслишь, а тутъ не указывай,—говорилъ старикъ сыну.

Снова начались съ отцомъ непріятности, къ которымъ присоединился и полный разрывъ съ сестрой, такъ горячо любимой Кольцовымъ. Разладъ съ сестрой начался изъ-за того, что Кольцовъ не совѣтовалъ ей выходить замужъ за человѣка недостойнаго. И онъ былъ правъ: семейная ея жизнь оказалась очень тяжелой, и черезъ пять лѣтъ сестра умерла отъ чахотки. Точно такъ же потерялъ Кольцовъ и расположеніе лучшихъ своихъ пріятелей. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что, когда раньше онъ считалъ ихъ выдающимися людьми, хорошими поэтами, музыкантами, чиновниками, то они были имъ довольны; теперь же, когда онъ много хорошаго увидѣлъ въ столицахъ, много читалъ и учился, то его пріятели показались ему слишкомъ самолюбивыми, считавшими себя выше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. И когда Кольцовъ понялъ это, то самъ сталъ съ ними говорить, тогда какъ раньше только молча слушалъ ихъ. Теперь онъ сталъ спорить съ ними, толковать имъ, что они судятъ о многомъ ошибочно. Это и привело къ охлажденію, такъ какъ пріятели его допустить не могли, чтобы необразованный, скромный прасолъ,

какимъ они раньше считали Кольцова,—могъ съ ними спорить и не признавать ихъ мнимыхъ достоинствъ.

И снова тяжело стало жить Кольцову. «У меня давно уже лежитъ на душѣ грустное сознаніе»,— писалъ онъ,—«что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно». Пока Кольцовъ въ тоскѣ и печали, въ полномъ одиночествѣ угасалъ въ Воронежѣ, вдали отъ тѣхъ людей, съ которыми сжился,—его столичные друзья старались какъ-нибудь устроить его въ столицѣ. Одинъ предлагалъ открыть книжную лавку и сдѣлать управляющимъ Кольцова; другой предлагалъ ему завѣдывать конторою одного изъ журналовъ. Но изъ этого ничего не вышло.

Въ это время у Кольцова явилось новое горе, отразившееся на его душевномъ состояніи. «Страстною любовью озарился восходъ его жизни»,— говоритъ Бѣлинскій,—«полнымъ, багрянымъ; но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни». Женщина, которую теперь полюбилъ Кольцовъ, не была достойной его. Красивая и богагая вдова не надолго полюбила поэта, а затѣмъ охладѣла къ нему и бросила его. Рѣдкими лучами въ безпросвѣтной жизни для Кольцова были встрѣчи съ петербургскими знакомыми. Особенно радостна была встрѣча съ

Жуковскимъ. Въ 1837 году въ Воронежѣ проѣздомъ пробылъ два дня Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ со своимъ воспитателемъ. Однажды, когда семья Кольцовыхъ обѣдала, къ нимъ явился жандармъ и велѣлъ Алексѣю Васильевичу идти къ губернатору. Всѣ переполошились, но напрасно: у губернатора Кольцова ласково принялъ Жуковскій, который все свободное время въ Воронежѣ провелъ съ нимъ и былъ у него въ домѣ, гдѣ познакомился съ родными и пилъ у нихъ чай.

Эти радостныя встрѣчи еще болѣе усиливали тоскливое настроеніе поэта, напоминая ему о столичной жизни, маня его туда, куда онъ такъ страстно стремился. Поэтъ съ грустью писалъ:

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...
Кто же держитъ меня?
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я въ даль?
Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я;
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня.

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ,
И лихой вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть со свѣтлымъ лицомъ:
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Наконецъ, осенью 1840 года Кольцову снова удалось побывать въ Москвѣ и Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ хлопотать по двумъ тяжебнымъ дѣламъ отца. Съ собой онъ велъ два гурта быковъ, цѣною въ 12 тысячъ рублей. Около трехъ мѣсяцевъ онъ прожилъ у Бѣлинскаго въ Петербургѣ и постоянно находился въ кругу писателей и ученыхъ. Скоро и тутъ постигло Кольцова несчастіе. Большая часть пригнанныхъ имъ быковъ пала, деньги, вырученныя за продажу остальныхъ, частью пошли на судебныя издержки, частью были израсходованы на житье въ столицѣ въ теченіе половины года. Къ тому же одна тяжба была проиграна... Кольцовъ страстно хотѣлъ остаться въ столицѣ и обратился за денежной помощью къ отцу.

— Денегъ нѣтъ ни копейки,—рѣзко отвѣтилъ отецъ.—А что дѣло кончилось хорошо (одна важная тяжба была выиграна)—мнѣ все равно, хоть бы кончилось дурно. Мнѣ 68 лѣтъ и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ (т. е. дѣтямъ). Я уже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ,—съ Богомъ! Благословеніе дамъ и больше ничего...

Такъ безсердечно, да еще шутя на счетъ благословенія, поступилъ теперь старикъ Кольцовъ по отношенію къ больному и тѣлесно и душевно сыну, который упрочилъ своими трудами его благосостояніе.

Когда всѣ деньги вышли, Кольцову не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Воро-

нежъ: жить на счетъ пріятелей онъ не хотѣлъ. И вотъ, началось ужасное время жизни Кольцова. Старикъ постоянно ссорился съ нимъ, ругая его въ глаза и передъ каждымъ знакомымъ, не давалъ ни копейки денегъ. Къ этому присоединилась жестокая болѣзнь, сдѣлавшая нашего поэта настоящимъ скелетомъ. Однажды, показывая сестрѣ руку, Кольцовъ заплакалъ и сказалъ:

— Посмотри: только и осталось мяса, что̀ здѣсь, а то—все кости.

Несмотря на все ухудшавшееся состояніе здоровья, онъ не встрѣчалъ въ семьѣ ни состраданія, ни заботливаго ухода. Какъ-то въ его семьѣ праздновали свадьбу. Черезъ комнату, гдѣ лежалъ больной, постоянно бѣгали, хлопали дверьми и, наконецъ, стали мыть полы, а сырость была для него прямо таки убійственна... И опять Кольцовъ сталъ мечтать о столицѣ, но уже безнадежно: отецъ рѣшительно заявилъ, что не дастъ денегъ, а ѣхать безъ денегъ значило просто нищенствовать.

Такъ и жилъ Кольцовъ, заброшенный, забытый, въ полномъ одиночествѣ. Лишь за нѣсколько недѣль до смерти его посѣтилъ старый знакомый, бывшій воронежскій семинаристъ, писатель Асколченскій, пріѣхавшій изъ Кіева.

— Ну, какъ ваше здоровье?—спросилъ онъ.

— Слава Бо̀гу,—отвѣчалъ полуживой Кольцовъ. Видно, ему тяжело было приподняться, и онъ снова опустился изнеможенный на кровать.—Теперь мнѣ лучше, а прошлый годъ приходилось плохо.

— Живите, Алексѣй Васильевичъ!—съ жаромъ произнесъ гость.—Мы и такъ лишились Пушкина...

— Перестаньте,—перебилъ съ раздраженіемъ Кольцовъ.—И такъ ужъ избаловали меня похвалы нашихъ писателей. Избавьте хоть вы меня отъ похвалъ.

Тогда Аскоченскій сталъ разсказывать ему о Кіевѣ. Поэтъ слушалъ, а потомъ спросилъ:

— Скажите, какія тамъ учебныя заведенія?

Аскоченскій перечислилъ всѣ высшія и среднія учебныя заведенія.

— Боже мой, какъ вы счастливы!.. Вы учились, а мнѣ...—нѣсколько секундъ длилось молчаніе,—Богъ не судилъ этого... Я такъ и умру неучемъ...

— Зачѣмъ умирать? Выздоравливайте, да и въ Кіевъ, къ намъ!

— Да, въ Кіевъ, въ Кіевъ,—съ воодушевленіемъ повторилъ больной.—До Кіева, вѣдь, ближе, чѣмъ до Петербурга.

«Нѣтъ, не въ земной ты Кіевъ поѣдешь, а въ небесный. Ты уже на дорогѣ туда»,—подумалъ Аскоченскій, глядя на еле живого Кольцова, который такъ жаждалъ, кажется, жизни...

Изъ этого разговора видно, что почти до самой послѣдней минуты жизни Кольцовъ страстно мучился при мысли, что онъ недостаточно образованъ. И дѣйствительно, кончи онъ курсъ въ училищѣ, онъ могъ бы бросить торговлю и заняться другимъ дѣломъ, какимъ-нибудь трудомъ,

требующимъ знаній. Тогда и жизнь его сложилась бы иначе. Тогда бы онъ могъ вполнѣ отдаться тому, что̀ его такъ привлекало, вполнѣ развить и использоватъ данныя Богомъ дарованія. Тогда онъ не угасалъ бы одинокимъ и заброшеннымъ въ глуши, среди людей, не понимавшихъ или не любившихъ его...

Наконецъ, 19 октября 1842 года Кольцовъ умеръ, всего 34 лѣтъ, то есть въ томъ возрастѣ, когда обыкновенно умственныя силы человѣка расцвѣтаютъ особенно сильно. Отецъ, пережившій его лѣтъ на десять, при воспоминаніи о немъ говорилъ: «Разумная голова былъ мой Алексѣй... Да Богъ не далъ пожить ему на свѣтѣ... Книжки его сгубили и свели въ могилу». Такъ и умеръ старикъ съ этою мыслью, не подозрѣвая, что не книжки, а окружавшіе Кольцова невѣжественные люди сгубили его.

Кольцовъ умеръ болѣе полъ-вѣка тому назадъ, но его слава, какъ народнаго поэта, не умерла съ нимъ. Наоборотъ, изъ года въ годъ она все росла и росла, и теперь на необъятномъ просторѣ нашей родины немного найдется русскихъ людей, которые бы не знали имени «поэта-самоучки». Даже та среда, которая воспитала Кольцова, а затѣмъ, отвернувшись отъ него, довела его до преждевременной смерти,— и она признала его заслуги на поприщѣ родной литературы. Въ 1868 году въ Воронежѣ въ городскомъ саду былъ поставленъ мраморный памятникъ

Кольцову, а бульваръ въ самомъ центрѣ города названъ его именемъ.

Памятникъ на могилѣ А. В. Кольцова въ Воронежѣ (въ настоящее время).

Чѣмъ же особенно прославился Кольцовъ, почему онъ сталъ извѣстенъ всей грамотной Россіи? Вѣдь много было поэтовъ, писавшихъ стихи, а

имена ихъ давно уже исчезли вмѣстѣ съ бренными ихъ останками. Дѣло въ томъ, что Кольцовъ былъ особенный, выдающiйся поэтъ, щедро награжденый талантомъ отъ Бога. Это — первое. Во-вторыхъ, Кольцовъ вышелъ изъ среды простого народа и лучше другихъ писателей понималъ и зналъ народную душу, жизнь и стремленiя народа. Это знанiе въ соединенiи съ талантомъ, то есть умѣнiемъ прекрасно и просто выразить эту душу, и сдѣлали стихотворенiя Кольцова безсмертными. Онъ по справедливости могъ бы сказать о себѣ:

Нѣтъ, весь я не умру. Но часть меня большая,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, по смерти будетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Пока славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Всѣ стихотворенiя Кольцова можно раздѣлить на три отдѣла: во-первыхъ—пѣсни и стихотворенiя, въ которыхъ Кольцовъ рисовалъ картины русскаго народнаго быта и природы; во-вторыхъ—«думы», въ которыхъ выразилъ свое стремленiе проникнуть въ смыслъ мiрозданiя и жизни человѣческой, постичь управляющаго ими Творца; въ-третьихъ,—стихотворенiя и пѣсни, въ которыхъ онъ описывалъ жизнь своей собственной души, ея чувства и желанiя, то-есть такiя стихотворенiя, которыя въ наукѣ о поэзiи называются «лирическими». Приведемъ для образца по нѣскольку стихотворенiй изъ каждаго отдѣла.

Лучшимъ свойствомъ и основой всей жизни русскаго народа Кольцовъ считалъ праведный, святой трудъ, «малыхъ» дѣлающій «великими». Это прекрасно выражено имъ въ стихотвореніи «Пѣсня пахаря». Крестьянинъ пашетъ рано на зарѣ свою полосу и въ бесѣдѣ съ Сивкой высказываетъ свои задушевныя думы:

Пашенку мы рано
Съ Сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая:
Выйдетъ въ полѣ травка.
Ну, тащися, Сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ тамъ серпъ,
Зазвенятъ здѣсь косы,
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну, тащися, Сивка!
Накормлю досыта.
Напою водою—
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство.

Трудъ, по мнѣнію Кольцова, есть основа жизни и благосостоянія крестьянина. Въ стихотвореніи «Товарищу» онъ говоритъ:

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ, по людямъ?—
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ!
На заботы-жъ свои,
Чуть заря, поднимись
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.

Неудачи, бѣда—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.
И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И, на славу твою,
Жизнь съ тобою начнетъ.

А вотъ какую красивую картину довольства крестьянской семьи, добытаго упорнымъ трудомъ, рисуетъ Кольцовъ въ стихотворенiи «Крестьянская пирушка».

Ворота тесовыя
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званные.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахрамой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена—
Чернобровая,—
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмельною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ.
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ—
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ.
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Во многихъ другихъ стихотворенiяхъ Кольцовъ показываетъ, какъ плохо приходится тому, кто не трудится, кто лѣнивъ («Что ты спишь, мужи-

чекъ?»). У такого крестьянина, весь вѣкъ лежащаго на печи,

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ по травѣ
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Такая праздная жизнь отъ лѣности, отъ нежеланія кормиться собственнымъ трудомъ, конечно, приноситъ много горя и невзгодъ. Но Кольцовъ показываетъ, что это горе и невзгоды—вполнѣ заслуженныя. Зато онъ скорбитъ и печалится, описывая жизнь одинокого молодца, не имѣющаго своей семьи, своего угла. Одинокому молодцу приходится вслѣдствіе этого весь вѣкъ мыкаться по чужимъ людямъ. Въ одной пѣснѣ, озаглавленной «Раздумье поселянина», такой одинокій бобыль говоритъ:

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю растратила.

А въ другой пѣснѣ, «Доля бѣдняка», Кольцовъ рисуетъ такую же безотрадную жизнь:

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмельная—
Не разымчива.
Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны,
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души-ль, порой,
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Въ мигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною,
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись,
А въ душѣ клянешь
Долю горькую.

Жизнь крестьянина, которая является содержаніемъ большинства стихотвореній Кольцова, близко соприкасается съ природой. Всѣ явленія природы, если они происходятъ во-время, приносятъ счастье и довольство крестьянину: во-время жара—сѣно убрано, во-время дожди—всходятъ или наливаются хлѣба. Вотъ эту то связь крестьянской жизни съ природой прекрасно выразилъ Кольцовъ въ стихотвореніи «Урожай».

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Напустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Чтó задумалась,

Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко.
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались.
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать.
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

А что такой трудъ не пропадетъ даромъ, это ужъ—навѣрное. И поэтъ рисуетъ новую картину. Крестьянинъ выходитъ въ поле полюбоваться на то, «что послалъ Господь за труды людямъ». Сердце труженика-пахаря переполнено радостью. потому что

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ *) колосомъ
Почти до земли,

---

*) Клонится.

Словно Божій гость,
Дню веселому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кромѣ той природы, среди которой живетъ крестьянинъ, кромѣ его занятій, Кольцовъ умѣло воспроизводилъ въ стихахъ его чувства и мысли, такъ какъ онъ самъ вышелъ изъ среды народа и поэтому самъ ихъ переживалъ. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ выразилъ въ стихотвореніи «Ура» то благоговѣйное чувство, которое возбуждаетъ въ русскомъ народѣ Царствующій Домъ.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Ѣдетъ Бѣлый русскій Царь
Православный Государь,—
Вдоль по царству-государству
Русь шумитъ ему: «ура».
Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-Царица въ путь идетъ—
Лаской жаловать народъ...
Ей на встрѣчу, на дорогу,
Русь валитъ, шумитъ: «ура».
Ходитъ окликъ по горамъ
По долинамъ, по морямъ:
Князь Наслѣдный, сынъ Царя,
Дня румяная заря,

Ѣдетъ Русь Святую видѣть..
Русь кипитъ, шумитъ: «ура».
Мысль народа, звукъ души—
Всероссійское «ура»,
Ты—во всемъ Царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мірѣ нѣтъ.
Исполинъ Царю послушный
Все сомкнулъ въ своемъ «ура».
Это—пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это—страхъ, гроза врагамъ;
Это — посвистъ богатырскій,—
Вотъ что русское «ура»!

О многомъ и иномъ также умѣлъ говорить Кольцовъ, напримѣръ, трогательно изображалъ печальную сторону жизни народа. Такъ, въ «Пѣснѣ» онъ изобразилъ горе замужней женщины, горе, такъ часто переживаемое многими русскими женщинами.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго
Мужа стараго?
Небось, весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія...
Небось, весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное.
Небось, сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На Великій день;
Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску.
Поздно, рóдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!
Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай зóлото
На полъ сыплется.

А въ стихотвореніи «Деревенская бѣда» Кольцовъ разсказываетъ про горе молодца, полюбившаго красну-дѣвицу, которую родители насильно выдали за немилаго:

Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.
Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ онъ съ нею вдоль по улицѣ,
Что есть духу, поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.
Я стоялъ, глядѣлъ, призадумался...
Снявши шапку, хватилъ объ землю
И пошелъ себѣ загуменьемъ
Подъ его окошки красныя.

Изъ стихотвореній второго отдѣла, гдѣ Кольцовъ говоритъ о высшихъ вопросахъ касательно человѣческой жизни и міра, приведемъ немногія. Въ стихотвореніи «Молитва» поэтъ говоритъ, что умъ его слабъ для уясненія тайны Божіей, и поэтому онъ съ вѣрою обращается къ Творцу вселенной, прося Его вразумить и просвѣтить слабый умъ человѣка:

Спаситель! Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна.
Что слухъ мой замѣнитъ?—
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?—
На крестъ, на могилу,

На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Налóжилъ печать.
Печать та—на вѣки;
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь;
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода...
Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ...

И въ другомъ стихотвореніи, «Передъ образомъ Спасителя», также звучитъ глубокая вѣра поэта:

Предъ Тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ;
Премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.
Твой небесный огонь
Негасимо горитъ,
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;
Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезою стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ;
И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,—
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

Наконецъ, въ стотвореніяхъ третьяго отдѣла поэтъ разсказываетъ намъ о волновавшихъ его мысляхъ и чувствахъ, о пережитыхъ имъ скорбяхъ и желаніяхъ.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми стихотвореніями его, въ которыхъ онъ воспѣвалъ свою любовь. Теперь приведемъ еще нѣкоторыя. Въ

«Пѣснѣ» Кольцовъ говоритъ, что душа его рвется изъ молодой груди, что она проситъ жизни другой:

То ли дѣло—вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

Какъ мы знаемъ уже, первая любовь Кольцова была очень печальна: Дуняша его была продана отцомъ. И вотъ, несчастный поэтъ говоритъ въ своей «Пѣснѣ»:

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины.
Полюби ты окно
Души-дѣвицы,
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...
Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Чтò трава на степи
Передъ осенью.
Безъ нея, ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.
Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?
Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?
Что жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ...

Мы знаемъ также, какъ тяготился Кольцовъ своей жизнью, какъ стремился вырваться изъ нея. И, несмотря на свои молодые годы, часто онъ представлялъ себя старикомъ, для котораго уже многіе «пути заказаны»... Это чувство проглядываетъ въ его «Пѣснѣ старика».

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону;
Догоню, ворочу
Мою молодость,
Приберусь—и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ.

Приведемъ, наконецъ, еще одно стихотворенiе Кольцова подъ названiемъ «Отвѣтъ на вопросъ моей жизни». Въ немъ поэтъ выражаетъ свое мнѣнiе о собственной жизни:

Вся жизнь моя—какъ сине море...
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ—
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ.
Уступятъ вѣтры,—и оно
Сравняется, какъ полотно.
Иной порой, во дни ненастья,—
Все въ мiрѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,—
Отвѣтъ на жизнь заговоритъ.
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною,—
И, словно черная волна,
Душа въ то время холодна.
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ,—и душа
Пьетъ радость, радостью дыша.
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло—
И горя будто не было...

Таковы стихотворенiя Кольцова, изъ которыхъ мы привели лишь очень немногiя. Но и по нимъ

можно судить, какъ прекрасенъ и разностороненъ былъ поэтическій даръ Кольцова. Съ одинаковымъ дарованіемъ, одинаково звучно и красиво онъ умѣлъ описывать и простую жизнь крестьянина, и сложныя, мимолетныя, едва замѣтныя чувства человѣческой души. И въ настоящее время значеніе Кольцова, какъ великаго народнаго поэта, всѣми признано, а имя его будетъ долго жить. Справедливо сказалъ одинъ поэтъ о немъ, также вышедшій изъ народа, Иванъ Вдовинъ:

Стихи твои,
Пѣсни чудныя,
Тебѣ создали
Славу вѣчную.

Долго будутъ пѣть
На Святой Руси
Твои славныя
Пѣсни дивныя,

Пѣсни грустныя,
Задушевныя—
Не умрутъ онѣ,
Не забудутся.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ,

ученый и стихотворецъ (1711—1765).

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ,

ученый и стихотворецъ (1711—1765)

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

А. С. Пушкинъ

На крайнемъ Сѣверѣ, далекомъ, мрачномъ и холодномъ, близъ города Холмогоръ—на Сѣверной Двинѣ лежитъ деревня Денисовка. Такихъ деревень въ Россіи нѣсколько сотенъ тысячъ; въ одной Архангельской губерніи ихъ не меньше тысячи, а между тѣмъ нѣтъ грамотнаго человѣка, который не зналъ бы о Денисовкѣ, хотя въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, въ ней было всего восемь дворовъ. Каждый знаетъ и никогда не долженъ забывать, что здѣсь въ 1711 году родился великій русскій человѣкъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Родился онъ въ семьѣ рыбака.

Величественная сѣверная природа и любящая мать воспитали его. Когда мальчикъ немного подросъ, отецъ его, Василій Дороѳеичъ, бралъ сына съ собой въ Архангельскъ, въ Соловецкій монастырь, на Бѣлое море. Занимаясь рыбной

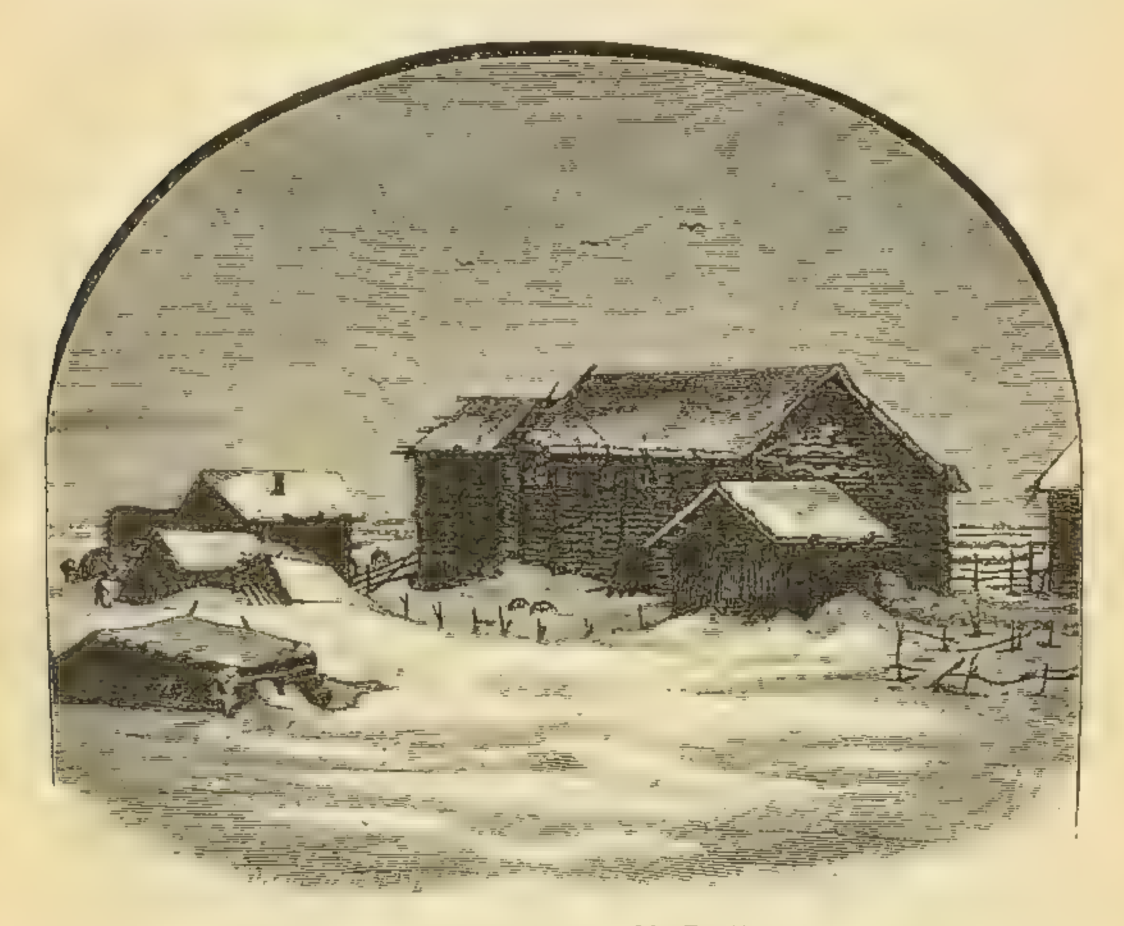
ловлей, мальчикъ любовался красотами сѣверной природы, видалъ дивное сѣверное сіяніе, которое поморы называютъ «всполохомъ». И эти лѣтнія поѣздки будили его любознательность, развивали въ немъ чувство прекраснаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ закаляли его волю и укрѣпляли его тѣло. Эти поѣздки были не просто прогулками, а довольно труднымъ и опаснымъ дѣломъ: приходилось и выдерживать на морѣ страшныя бури, и переносить всякія лишенія, и помогать отцу вмѣстѣ съ рабочими въ ловлѣ рыбы.

Зимнее время Миша проводилъ съ матерью, Еленой Ивановной, дочерью причетника, женщиной кроткой и богобоязненной, развивавшей и въ своемъ сынѣ глубокую вѣру въ Бога. Иногда же мальчикъ уходилъ учиться грамотѣ къ односельчанину Ивану Шубину, а вскорѣ перешелъ къ дьячку, который былъ очень доволенъ его понятливостью, сообразительностью и позволилъ ему читать на клиросѣ.

Съ сверстниками Ломоносовъ какъ-то не сходился: они завидовали его успѣхамъ въ грамотѣ, смѣялись надъ нимъ, а подчасъ и бивали. Зато постоянное общеніе со старшими, разговоры съ ними сдѣлали его серьезнымъ и развитымъ не по лѣтамъ. Мучимый жаждой знанія, Миша перечелъ всѣ книжки и учебники, какіе могъ достать у себя въ домѣ или у дьячка, и сталъ страшно тосковать. Когда онъ узналъ, что у его сосѣда, крестьянина Дудина, есть книжки, какихъ еще

онъ не читалъ, онъ съ радостью бросился къ нему. Но, придя въ его домъ, въ замѣшательствѣ Миша не могъ произнести ни одного слова.

— Здравствуй, Михайло! Что хорошаго скажешь?—спросилъ его Дудинъ.

Деревня Денисовка, родина М. В. Ломоносова.
Съ рисунка 1840 года.

— Я къ твоей милости,—робко отвѣтилъ Ломоносовъ.

— Вѣрно, отецъ послалъ?.. Говори же, что ему надо?

— Я не отъ отца, а самъ пришелъ къ твоей милости,—проговорилъ Ломоносовъ, оправившись

отъ нерѣшительности.—Я слышалъ, у тебя книжки есть...

— Есть, что же изъ этого?

— Будь милостивъ, одолжи ихъ мнѣ не надолго. Почитать хочется.

— А зачѣмъ тебѣ читать? У тебя есть Часословъ, ну, и читай его...

— Да мнѣ бы хотѣлось новыхъ книгъ. Часословъ я ужъ читалъ,—возразилъ Ломоносовъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Молодъ ты читать такія книги, да и цѣна имъ большая.

— Да, вѣдь, я ихъ не разорву, буду беречь ихъ!—чуть не плача, уговаривалъ Ломоносовъ.

Но Дудинъ такъ и не далъ книгъ. Тогда Ломоносовъ прибѣгъ къ хитрости: онъ подружился съ дѣтьми Дудина, сталъ имъ всегда угождать, и, дѣйствительно, въ концѣ концовъ получилъ съ ихъ помощью желанныя книжки *). Но прочтены были и эти книги, а къ горю вслѣдствіе недостатка книгъ присоединилось скоро еще и новое.

Отецъ женился во второй разъ, и мачеха не взлюбила пасынка, попрекала, укоряла его, проходу не давала Михаилу. Приходилось ему заниматься чтеніемъ по ночамъ, когда все въ домѣ погружалось въ непробудный сонъ. Хорошо это было въ лѣтнее время, когда ночи на сѣверѣ

---

*) *А. В. Кругловъ.* «Геніальный поморъ». Спб. 1891 г., стр. 10. Изъ названной книги заимствуемъ описаніе еще нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, относящихся къ жизни Ломоносова.

необыкновенно длинныя, такъ что при голубовато-лазурномъ сіяніи неба вполнѣ можно читать. Но вотъ, плохо приходилось зимой. Дома читать было нельзя, и онъ убѣгалъ въ лѣсъ и читалъ здѣсь на морозѣ и вѣтрѣ.

Однажды за чтеніемъ въ лѣсу засталъ его дьячекъ.

— Зачѣмъ ты забрался въ лѣсъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Развѣ мало мѣста въ избѣ?

— Мѣсто было бы,—отвѣтилъ печально Ломоносовъ,—да съ книжками дѣться некуда: не долюбливаютъ ихъ тамъ.

— Охъ, Михайло!—проговорилъ въ раздумьи дьячекъ.—Въ Москвѣ бы тебѣ побывать, да поучиться въ тамошнихъ школахъ!

Глубоко запали эти слова въ умѣ Ломоносова, и онъ рѣшился просить отца отпустить его въ Москву. Но тотъ не могъ понять стремленій сына:

— Ты, вѣдь, умѣешь и читать, и писать — чего же тебѣ еще надо? Али съ ума спятилъ? Лучше принимайся за дѣло!

Но тотъ ужъ твердо рѣшилъ отправиться въ Москву. И вотъ, зимой 1730 года, въ темную морозную ночь Ломоносовъ тайно ушелъ изъ дома, безъ копейки денегъ, въ овчинномъ тулупѣ на плечахъ, въ поношенной шапкѣ на головѣ и съ узелкомъ, въ которомъ было нѣсколько книгъ да краюха хлѣба.

До Антоніевскаго монастыря, находящагося на 92 верстѣ отъ Холмогоръ, онъ шелъ одинъ.

Передохнувъ здѣсь немного, онъ присоединился къ обозу съ мерзлой рыбой и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ путь. Съ обозомъ шелъ знакомый приказчикъ. Узнавъ Ломоносова, онъ спросилъ его, куда онъ идетъ.

— Въ Москву... учиться въ тамошнихъ школахъ,—отвѣтилъ Ломоносовъ.

— Въ Москву? Да ты съ ума сошелъ! Развѣ ты дворянинъ или поповичъ? Тамъ, братъ, все дворяне учатся, а не нашъ братъ-мужикъ.

Приказчикъ сталъ совѣтовать Ломоносову вернуться назадъ, указывая ему, какъ дорогà въ Москвѣ жизнь, какъ трудно учиться, не имѣя въ карманѣ ни гроша.

— Что будетъ, то будетъ,—твердо отвѣтилъ Ломоносовъ,—а ужъ буду въ Москвѣ непремѣнно.

Видя твердую рѣшимость Ломоносова, приказчикъ позволилъ ему ѣхать съ обозомъ, а крестьяне-обозчики согласились его кормить.

Съ помощью этихъ добрыхъ людей, Ломоносовъ добрался до Москвы. «Однообразное путешествіе до Москвы,»—разсказываетъ А. Кругловъ со словъ одного изъ старыхъ жизнеописаній Ломоносова,—«не представляло ничего замѣчательнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади; однако, все это было въ томъ порядкѣ вещей, который и нынѣ повторяется безпрестанно въ сѣверныхъ странахъ. Бѣглецъ-юноша раздѣлялъ труды обозныхъ и заслужилъ ихъ расположеніе. Время шло, какъ по сказанному, по писан-

ному; день наставалъ и оканчивался. Наконецъ, въ одно утро солнце освѣтило Ломоносову золотые верхи московскихъ церквей.

Я не берусь разсказывать читателямъ тѣхъ чувствъ, тѣхъ мыслей, которыя взволновали Ло-

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносовыхъ въ Денисовкѣ.
Съ рисунка 1840 года.

моносова при видѣ Москвы. Пусть читатель рѣшитъ самъ, что̀ могъ чувствовать пылкій, отважный поморъ при видѣ этого города, куда давно уже стремился онъ всей душой и куда бѣжалъ изъ отцовскаго дома, одинъ, безъ всякихъ средствъ,

только съ книгами въ рукахъ и съ безпредѣльною жаждою учиться!...

И вотъ, безпріютный бѣглецъ—въ самой Москвѣ! Съ любопытствомъ разсматриваетъ онъ разныя строенія, толпы людей, наполняющія улицы. Все—озабоченныя лица; всѣ заняты своими собственными дѣлами, и никому нѣтъ дѣла до бѣглаго юноши, изъ-за тысячи верстъ пришедшаго въ Москву—съ единственной цѣлью попасть въ школу! Грустно стало Ломоносову. Онъ упалъ на колѣни передъ церковью Василія Блаженнаго, близъ которой остановились обозы, заплакалъ и въ горячей усердной молитвѣ началъ просить у Бога покровительства и помощи... Весь день и первую ночь Ломоносовъ провелъ въ обшевняхъ, въ торговомъ ряду. На утро взгрустнулось бѣдному юношѣ, и снова онъ началъ раздумывать о томъ, какъ попасть въ какое-нибудь московское училище. Но какъ долго онъ ни думалъ надъ этимъ вопросомъ, все-таки не могъ ничего придумать. Сверхъ этого, его еще тяготила другая забота: онъ не имѣлъ ни копейки денегъ—и ему не на что было купить куска хлѣба, нанять какой-нибудь уголъ въ избѣ, чтобы пріютиться отъ холода».

И здѣсь Богъ послалъ Ломоносову такихъ же добрыхъ людей, какихъ встрѣтилъ онъ въ дорогѣ. Къ приказчику зашелъ его землякъ, служившій въ дворецкихъ въ домѣ какого-то знатнаго сановника, и когда узналъ о молодомъ поморѣ, такъ жадно стремившемся учиться, принялъ въ немъ

Заиконоспасскій монастырь на Никольской улицѣ въ Москвѣ, при которомъ находится Заиконоспасское училище.

участіе, предложилъ ему остановиться у себя и сталъ хлопотать объ опредѣленіи его въ школу. Благодаря знакомымъ, хлопоты дворецкаго увѣнчались успѣхомъ: Михайло былъ принятъ въ Заиконоспасское училище. Хотя туда принимали лишь дворянъ и дѣтей духовенства, но Ломоносовъ такъ понравился ректору *), что тотъ зачислилъ его въ ученики, какъ сына священника. Онъ съ жаромъ принялся за ученіе, несмотря на тѣ насмѣшки, которыми встрѣтили его появленіе въ школѣ другіе ученики.

— Смотрите,—указывали они на него со смѣхомъ,—какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни **) учиться!

Но Ломоносовъ посрамилъ товарищей-зубоскаловъ: скоро онъ превзошелъ всѣхъ ихъ въ наукахъ, такъ что и они, и учителя стали относиться къ нему съ уваженіемъ. И дѣйствительно, юноша весь отдался наукѣ, несмотря на тяжелыя обстоятельства: онъ получалъ всего по алтыну (т. е. около 3 копеекъ), въ день, такъ что питаться ему приходилось квасомъ да хлѣбомъ ***). Вотъ какъ писалъ онъ впослѣдствіи о своей жизни своему покровителю Ивану Ивановичу Шувалову, основателю перваго въ Россіи университета, въ Москвѣ. «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ от-

*) Ректоръ—начальникъ училища.

**) Т. е. латинскому языку.

***) Въ то время пропитаніе стоило, конечно, дешевле, чѣмъ въ наше время, такъ что 3 коп. равнялись почти 30 коп. на нынѣшній счетъ.

вращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ (скоро узнавшій чрезъ ѣздившихъ въ Москву знакомыхъ о томъ, гдѣ находится его сынъ), никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство, которое онъ для меня кровавымъ пóтомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, а прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ—и наукъ не оставилъ». Въ самомъ дѣлѣ: сколько самоотверженной любви къ образованію въ послѣднихъ словахъ: «и наукъ не оставилъ»!

За это время Ломоносовъ усвоилъ всѣ науки, какія преподавались въ школѣ: богословіе, латынь и греческій языкъ, словесность и др. За книгами, особенно за чтеніемъ Св. Писанія и древнихъ русскихъ лѣтописей, онъ сидѣлъ даже въ то время, какъ товарищи его отдыхали. Наставники не разъ выговаривали ему за эту излишнюю «горячку». Но ему мало было этихъ наукъ. Узнавъ, будто въ Кіевѣ, въ Духовной Академіи, преподаютъ математику и физику *), юноша поѣхалъ-было туда.

*) Наука о явленіяхъ природы: воздухѣ, водѣ, металлахъ, теплѣ и пр. и о законахъ этихъ явленій.

Но оказалось, что тамъ такихъ наукъ не преподавали. Страшно опечаленный, Ломоносовъ вернулся въ Москву, гдѣ его ждала радость. Въ 1735 году ректоръ Спасской школы получилъ изъ Сената приказаніе послать въ Петербургъ въ гимназію при Академіи Наукъ, незадолго передъ тѣмъ только что основанной, 20 лучшихъ учениковъ. Конечно, въ это число попалъ и нашъ Ломоносовъ. И въ Петербургѣ онъ быстро выдѣлился изъ числа другихъ, такъ что въ сентябрѣ 1736 года его съ двумя другими товарищами отправили за границу, въ Германію, гдѣ онъ прожилъ почти 5 лѣтъ, занимаясь у знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Умъ и трудолюбіе Ломоносова постоянно удивляли нѣмцевъ.

— Если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія,—отзывался о немъ знаменитый въ то время профессоръ Вольфъ,— то современемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству.

Въ Германіи Ломоносовъ изучалъ физику, металлургію, или науку о металлахъ, ихъ добываніи и обработкѣ, математику и философію, или науку о томъ, что представляетъ собой міръ, изъ чего онъ состоитъ, что̀ такое человѣкъ, каково его назначеніе и т. д. Въ то же время онъ находилъ досугъ заниматься словесностью — читать творенія нѣмецкихъ писателей. Стихотворенія одного изъ нихъ, Гюнтера, такъ понравились Ломоносову, что онъ задумалъ написать и на

русскомъ языкѣ стихотвореніе такимъ же размѣромъ, какимъ писали Гюнтеръ и другіе поэты *).

Случай скоро представился. Въ это время русскіе воевали съ Турціей и въ 1739 году взяли у нея крѣпость Хоти́нъ, что̀ на Днѣстрѣ **). Это событіе и воспѣлъ Ломоносовъ въ стихотвореніи «Ода ***) на взятіе Хотина̀». До него ни одинъ русскій писатель не писалъ такъ красиво и звучно. Для образца приведемъ конецъ оды.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ [illegible]) покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Казацкихъ поль заднѣстрскій тать [illegible])

---

*) Надо знать, что до Ломоносова русскіе поэты писали другимъ стихотворнымъ размѣромъ, похожимъ на старинные польскіе стихи, и для русскаго языка не вполнѣ пригоднымъ. Такой размѣръ назывался «силлабическимъ». Вотъ, напримѣръ, стихотворное переложеніе перваго псалма, сдѣланное поэтомъ XVII вѣка, временъ царя Алексѣя Михайловича, Симеономъ Полоцкимъ:

Блаженъ мужъ, иже въ злыхъ совѣты не входяше,
Ниже на̀ пути грѣшныхъ человѣкъ стояше,
Ниже на сѣдалищахъ восхотѣ сидѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ благо разумѣти.

Какъ видно, здѣсь соблюдается только одинаковое число слоговъ въ строкѣ, а въ концѣ прибавляется риѳма, т. е. одинаковыя по созвучію окончанія съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Теперь такихъ стиховъ уже не пишутъ.

**) Теперь этотъ городъ принадлежитъ Россіи и находится въ Бессарабской губерніи.

***) «Одой» называется хвалебная, радостная пѣснь, написанная по поводу какого-нибудь торжественнаго случая.

****) Въ то время въ Россіи царствовала Императрица Анна Іоанновна.

*****) Т. е. воръ, разбойникъ (разумѣются турки и татары, жившіе за Днѣстромъ) казацкихъ полей, украинскихъ степей.

Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ, развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой посѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства *).
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства **).
Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ, гдѣ вдругъ
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ ***) своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И ту, что отъ враговъ хранитъ ****),
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Эту оду Ломоносовъ послалъ въ Академію, и профессорамъ она такъ понравилась, что они поднесли ее Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, повелѣвшей отпечатать ее и раздать придворнымъ.

Занимаясь съ необыкновеннымъ усердіемъ науками, Ломоносовъ попрежнему бѣдствовалъ. Денегъ Петербургская Академія Наукъ высылала ему очень мало, расходы же заграницей были велики, особенно послѣ того, какъ онъ женился по любви на сиротѣ, дочери церковнаго старосты,

---

*) Т. е. препятствія, затрудненій, помѣхи.

**) Т. е. не бывалыя, превосходныя торжества.

***) Т. е. прославляетъ, хвалитъ.

****) Т. е. Императрицу.

Елизаветѣ-Христинѣ Цильхъ. Неудивительно, что Ломоносовъ мало по малу впалъ въ большіе долги. Чтобы расплатиться съ ними, ему приходилось обратиться за помощью къ русскому послу графу Головкину, жившему въ городѣ Гаагѣ. Самъ же Ломоносовъ жилъ въ это время во Франкфуртѣ.

Во время пути съ нимъ случилось одно обстоятельство, которое могло навсегда лишить Россію великаго ученаго. Ломоносовъ шелъ пѣшкомъ. Черезъ два дня пути онъ встрѣтилъ гостиницу. Изнуренный ходьбой и мучимый голодомъ, онъ обратился къ хозяину за милостыней. Въ это время въ гостиницѣ пировалъ офицеръ-вербовщикъ съ солдатами и нѣсколькими новобранцами. Дѣло въ томъ, что тогдашній прусскій король Фридрихъ страшно любилъ высокую, рослую гвардію и, для набора въ нее подходящихъ людей, посылалъ по всей странѣ офицеровъ съ солдатами, чтобы они всякими правдами и неправдами набирали великановъ въ его гвардію. Когда Ломоносовъ вошелъ въ гостиницу, то его большой ростъ и могучее тѣлосложеніе привлекли вниманіе офицера, и тотъ, узнавъ, что вошедшій, проситъ милостыню, пригласилъ его поужинать въ ихъ компаніи. Собесѣдники стали расхваливать королевскую службу въ Пруссіи, и дѣло кончилось тѣмъ, что у опьянѣвшаго Ломоносова вырвали обѣщаніе поступить въ гвардію. Проснувшись на зарѣ, онъ не могъ припомнить ничего изъ того, что̀ было съ нимъ вечеромъ. А между тѣмъ на плечахъ у

него было прусское военное платье, а въ карманахъ—прусскія монеты; офицеръ называлъ его по-дружески «молодцомъ», а солдаты—«товарищемъ».

Тутъ только понялъ бѣдный Ломоносовъ, что его попросту окрутили, и сталъ сопротивляться такой вербовкѣ въ солдаты. Но его не слушали и отправили въ пограничную съ Голландіей крѣпость Везель. Тогда Ломоносовъ рѣшилъ бѣжать, но дорóгой этого сдѣлать не удалось, и онъ прибылъ въ крѣпость. Чтобы усыпить бдительность начальства, онъ притворился довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ, а затѣмъ, выбравъ удобное время, бѣжалъ, такъ какъ надзоръ за нимъ ослабили.

Дѣло было такъ. Однажды ночью онъ проснулся и видя, что всѣ спятъ, выскочилъ изъ казармы черезъ окно, перелѣзъ крѣпостные валы и переплылъ черезъ ровъ, наполненный водою. Дремавшіе часовые не замѣтили его. Но онъ еще не могъ считать себя въ безопасности: нужно было до разсвѣта перейти границу. Несмотря на мокрую шинель и платье, мѣшавшія ему идти, Ломоносовъ пустился въ путь почти бѣгомъ. Стало уже свѣтать, и вдругъ, съ крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ! Это обозначало, что тамъ уже знали о бѣгствѣ... Собравъ послѣднія силы, измученный Ломоносовъ ускорилъ бѣгъ, тѣмъ болѣе, что въ слѣдъ за нимъ уже мчалась погоня. Но вотъ, граница между Пруссіей и Голландіей

перейдена, и онъ спасенъ! Войдя въ лѣсъ, онъ раздѣлся, чтобы высушить платье и отдохнуть, и проспалъ здѣсь вплоть до сумерекъ. Ночью онъ уже безостановочно продолжалъ свой путь до Гааги, столицы Голландіи.

Здѣсь Ломоносова ждало тяжелое разочарованіе: графъ Головкинъ отказалъ ему въ помощи, и онъ прибылъ въ Марбургъ, а оттуда, по предписанію Академіи Наукъ, приславшей немного денегъ, отправился въ Петербургъ, оставивъ на время жену за границей. Въ Россію Ломоносовъ возвращался моремъ и, какъ разсказываютъ, доро́гой видѣлъ вѣщій сонъ. Ему приснилось, что во время рыбной ловли поднялась буря и выбросила судно его отца на необитаемый островъ, гдѣ отецъ погибъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Ломоносовъ узналъ, что отецъ его, дѣйствительно, пропалъ безъ вѣсти... Тогда онъ написалъ своимъ знакомымъ рыбакамъ и просилъ ихъ поискать тѣло отца на островахъ. Они, дѣйствительно, отыскали тѣло Василія Дороѳеевича на одномъ изъ пустынныхъ островковъ Бѣлаго моря и предали его землѣ.

Въ Петербургъ Ломоносовъ прибылъ въ іюнѣ 1741 года. Съ этого времени начинается разнообразная, кипучая дѣятельность Ломоносова на поприщѣ науки и литературы. Трудный подготовительный путь, путь отъ крестьянской избы чрезъ русскую и заграничную школы, былъ уже пройденъ, необходимыя знанія были пріобрѣтены.

Теперь Ломоносову предстояло использовать свои дарованія и знанія для блага и славы Россіи.

Время, въ которое началъ дѣйствовать Ломоносовъ, было горячею порою для нашей родины. Нововведенія, предпринятыя великимъ вѣнценоснымъ преобразователемъ, Императоромъ Петромъ I, сдѣлали Россію могущественной державой въ Европѣ. Благодаря новому устройству управленія и войска, Россія стала сильнымъ государствомъ. Теперь надлежало сдѣлать Рсссію и страной просвѣщенной, къ чему также стремился Петръ Великій. Но заботы военныя и благоустройство государства часто отвлекали его вниманіе отъ дѣлъ просвѣщенія. А поэтому всѣ необходимыя знанія Россія попрежнему получала отъ иностранцевъ. Даже всѣми высшими школами въ ней, правда, далеко не многочисленными, и учеными учрежденіями завѣдывали исключительно иностранцы. И важная заслуга Ломоносова передъ Россіей состоитъ въ томъ, что онъ, сдѣлавшись русскимъ знаменитымъ ученымъ, первый указалъ на то, чтобы Россія и въ наукахъ догнала иностранцевъ, и много самъ этому способствовалъ.

Разсмотрѣвъ свидѣтельства, выданныя Ломоносову нѣмецкими профессорами, Академія Наукъ, состоявшая сплошь изъ нѣмцевъ, не особенно привѣтливо встрѣтила молодого ученаго. Нѣмцы опасались, какъ бы примѣръ Ломоносова не заразилъ и другихъ русскихъ людей стремленіемъ къ наукѣ. А вѣдь тогда бы имъ пришлось уступить свое

господствующее положенiе русскимъ! И вотъ, на первыхъ порахъ, Академiя, желая испытать его знанiя и умѣнiе ими пользоваться, поручила ему привести въ порядокъ минеральный кабинетъ, т. е. помѣщенiе той же Академiи, въ которомъ хранились въ опредѣленномъ порядкѣ разные минералы: золото, серебро, желѣзо, каменный уголь,

Академiя Наукъ въ С.-Петербургѣ.

простые и драгоцѣнные камни и др. Ломоносовъ блистательно выполнилъ это порученiе и ожидалъ, что его сдѣлаютъ профессоромъ, чтобы онъ могъ, какъ говорилъ самъ, «юношество россiйское обучать» и «книги полезныя составлять». Но академики назначили его лишь «адъюнктомъ», или помощникомъ, и то далеко не по искреннему желанiю. Это произошло въ 1742 году, и дѣло было

такъ. Ломоносовъ подалъ въ совѣтъ Академіи прошеніе, а вмѣстѣ съ нимъ представилъ и свои сочиненія по математикѣ, химіи и физикѣ. Тогда нѣмцы-академики послали эти сочиненія знаменитому ученому Эйлеру въ Германію, думая, что онъ по своей строгости не одобритъ ихъ, а это позволитъ имъ просто на просто отвязаться отъ «русскаго мужика». Но Эйлеръ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ доволенъ сочиненіями Ломоносова и былъ бы очень радъ, если бы такъ умѣли писать и прочіе ученые. Такимъ образомъ, происки нѣмцевъ были посрамлены.

Хотя положеніе Ломоносова было далеко не блестящимъ, но все же онъ сталъ получать теперь жалованье, хоть не большое (300 рублей въ годъ), и могъ даже выписать къ себѣ изъ-за-границы свою семью.

Поступивъ въ число лицъ, составлявшихъ Академію, Ломоносовъ, какъ и раньше, много перенесъ оскорбленій со стороны нѣмцевъ-профессоровъ и встрѣчалъ отъ нихъ большія препятствія для своихъ начинаній. Во главѣ Академіи въ то время стоялъ Шумахеръ, нѣмецъ, человѣкъ безъ твердыхъ научныхъ знаній, ловкій и настойчивый въ достиженіи своихъ цѣлей. А цѣлями этими онъ считалъ не успѣхи и процвѣтаніе наукъ въ Россіи и не распространеніе ихъ среди русскихъ людей, а одно лишь стремленіе —удержать Академію въ рукахъ нѣмцевъ и не дать проникнуть въ нее русскимъ. Но, несмотря на эту вражду, Ло-

моносовъ, благодаря неусыпнымъ научнымъ занятіямъ, достигъ того, что въ 1747 году его сдѣлали полноправнымъ профессоромъ, съ жалованьемъ въ 660 рублей въ годъ. Достигнуть такого почетнаго положенія помогло ему то обстоятельство, что онъ своими сочиненіями привлекъ сочувствіе Императрицы Елисаветы, весьма образованнаго вельможи Ивана Ивановича Шувалова, графа Воронцова и другихъ русскихъ сановниковъ, любившихъ просвѣщеніе и покровительствовавшихъ тѣмъ, кто искренно старался о его распространеніи въ Россіи. А Ломоносовъ, дѣйствительно, искренно стремился къ этому, и дѣятельность его была изумительно разнообразна.

Прежде всего, онъ понималъ, что «Россіи нужны образованные люди», притомъ люди—«русскіе по рожденію и по духу». И вотъ, онъ обращается къ правительству съ предложеніемъ открыть гимназіи и университетъ. Предложеніе его встрѣтило сочувствіе со стороны Ивана Ивановича Шувалова, знатнаго вельможи, близкаго къ Императрицѣ. Вскорѣ были открыты нѣсколько гимназій и въ Москвѣ университетъ. Ломоносовъ же подготовилъ и учителей въ этотъ университетъ, изъ котораго впослѣдствіи вышло много людей, съ пользой потрудившихся для блага Россіи. Кромѣ этого, Ломоносовъ, самъ вышедшій изъ простонародья, при случаѣ всегда указывалъ на необходимость устройства и низшихъ школъ, гдѣ простой народъ могъ бы учиться грамотѣ.

— И тогда,—говорилъ онъ,—изъ народа выйдетъ много Ломоносовыхъ!

Ученые нѣмцы, безнаказанно властвовавшіе въ нашей Академіи Наукъ, рѣдко дѣлились своими знаніями съ русскими людьми, а Ломоносовъ первый изъ русскихъ ученыхъ сталъ прилагать свои познанія къ живому дѣлу. Напримѣръ, познакомившись за-границей съ производствомъ стекла, онъ при поддержкѣ Государыни Императрицы устроилъ близъ Петербурга стеклянный заводъ. Пораженный огромной смертностью крестьянскихъ дѣтей, Ломоносовъ пишетъ сочиненіе о причинахъ этого бѣдствія и предлагаетъ способы для его уменьшенія. Зная, какія богатства скрыты въ нѣдрахъ Россіи, и видя, что они лежатъ безъ пользы, не разрабатываются, благодаря только невѣжеству, онъ пишетъ сочиненіе, гдѣ простымъ языкомъ разсказываетъ все, что знаетъ, о металлахъ, объ ихъ нахожденіи, способахъ обработки, и посылаетъ въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ убѣждаетъ взяться за это дѣло, предлагая свои знанія ему въ помощь. Услыхавъ какъ-то, что на вновь построенныхъ соляныхъ заводахъ колодцы оказались плохими, Ломоносовъ опять обращается въ Сенатъ съ донесеніемъ, гдѣ указываетъ, что отъ этого происходятъ громадные убытки казнѣ, и предлагаетъ способы ихъ исправить. Всего, о чемъ заботился первый нашъ русскій ученый, не перечесть.

Изъ этихъ и очень многихъ другихъ примѣ-

ровъ ученой дѣятельности Ломоносова видно, съ какою пользою онъ употреблялъ свои огромныя знанія. За это-то его цѣнили и уважали многіе знатные русскіе люди. И ихъ расположенія онъ достигъ не тѣмъ, что унижался или заискивалъ предъ ними, а единственно своимъ огромнымъ умомъ, обширными знаніями и непреклонной волей.

Сынъ рыбака-помора, пѣшкомъ явившійся въ Москву голодать и учиться, онъ всегда чувствовалъ собственное достоинство, добытое путемъ упорнаго труда и лишеній, и держался со всѣми покровителями-вельможами на равной ногѣ. Когда къ его скромному домику подъѣзжали въ раззолоченныхъ каретахъ знатныя лица, онъ принималъ ихъ почтительно, но просто и съ достоинствомъ. А хорошихъ знакомыхъ, какъ напримѣръ, Ив. Ив. Шувалова, нерѣдко встрѣчалъ въ халатѣ, въ которомъ онъ работалъ въ своей лабораторіи *). Когда кто-нибудь высказывалъ въ его присутствіи мысли, несогласныя съ его взглядами, онъ не боялся возражать. Вотъ что разъ онъ писалъ тому же Ив. Ив. Шувалову:

— «Не токмо у стола знатныхъ господъ дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, Который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца родного воз-

---

*) Комната, гдѣ производятся разные опыты съ металлами, минералами, растеніями и пр.

стать за грѣхъ не ставлю!.. Я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба своего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться».

А «непріятелей наукъ россійскихъ», съ которыми приходилось, дѣйствительно, не разъ сталкиваться Ломоносову, было много. Мы уже говорили о борьбѣ, которую онъ велъ съ нѣмцами-академиками. Но много непріятностей доставляли ему и нѣкоторые русскіе люди, завидовавшіе его успѣхамъ, особенно два писателя: бездарный стихотворецъ Тредьяковскій и непомѣрно самолюбивый Сумароковъ. Послѣдній такъ ненавидѣлъ знаменитаго помора, что, идя даже за его гробомъ, не могъ удержаться отъ злобныхъ замѣчаній.

Но то высокое положеніе, до котораго, по волѣ Божьей, дошелъ Ломоносовъ, не вскружило ему голову. Какъ простъ онъ былъ въ обхожденіи съ высшими, такимъ же былъ и въ отношеніяхъ съ низшими. Онъ помнилъ свое происхожденіе и не забывалъ родныхъ. Въ его домѣ жила его племянница; къ нему часто пріѣзжали земляки-крестьяне, для которыхъ на широкомъ крыльцѣ, въ родѣ балкона, накрывался удобный столъ,—и знаменитый ученый не только въ Россіи, но и за-границей, садился съ ними пировать, вспоминая до поздней ночи о юношеской жизни, съ удовольствіемъ выслушивая ихъ разсказы о родномъ Сѣверѣ. Мало того, онъ хотѣлъ, чтобы изъ его родственниковъ кто-нибудь пошелъ по его слѣдамъ, и съ этою цѣлью упросилъ сестру при-

слать къ нему племянника Мишу, съ которымъ находилъ время самъ заниматься. Не забывалъ онъ и тѣхъ людей, которые когда-либо чѣмъ-нибудь ему помогли. Такъ, благодаря его хлопотамъ, могъ поступить въ Академію Художествъ сынъ Ивана Шубина, его односельчанина, у котораго онъ учился грамотѣ.

Свободное отъ научныхъ занятій время Ломоносовъ посвящалъ чтенію и сочиненію стиховъ, что было для него отдыхомъ.

— Всякъ человѣкъ,—говорилъ онъ,—требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того, оставивъ дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми препровожденія времени картами или какими-нибудь другими занятіями. Отъ всего этого я давно отступился затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки.

О чемъ же онъ писалъ въ своихъ стихотвореніяхъ? — Больше всего любилъ Ломоносовъ воспѣвать въ нихъ природу и ея Творца, перелагая въ стихи псалмы и другія мѣста изъ Священнаго Писанія. Лучшимъ стихотвореніемъ въ этомъ родѣ является «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ», гдѣ стихотворецъ прекрасно выразилъ свою глубокую вѣру и восторженное преклоненіе передъ Создателемъ міра. Это стихотвореніе считается однимъ изъ лучшихъ, и мы приведемъ его полностью.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ

И Божіи дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли,
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель Самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть,—
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ Тобой одна
О, коль пресвѣтлая лампада *),
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
«Великъ Зиждитель нашъ Господь»!
Свѣтило днéвное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.

---

*) Т. е. солнце.

От свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи
И, что̀ угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Въ другихъ стихотвореніяхъ Ломоносовъ больше всего воспѣваетъ дѣянія и подвиги Петра Великаго, его Державной дочери Императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины II. Въ «Одѣ на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны» Ломоносовъ говоритъ, что Богъ послалъ Петра I въ Россію для того, чтобы возвысить ее, сдѣлать могущественной и просвѣщенной; что Петръ устроилъ въ Россіи превосходное войско, создалъ флотъ, разбилъ враговъ и, когда обезпечилъ Россіи миръ и благоденствіе, приступилъ къ насажденію въ ней просвѣщенія. Но, среди этихъ трудовъ, Государя-работника постигла смерть. Теперь, съ восшествіемъ на престолъ его дочери,—говоритъ далѣе Ломоносовъ, — Россія ожидаетъ, что Императрица окончитъ то дѣло, которое началъ ея великій отецъ. А затѣмъ поэтъ обращается съ горячимъ призывомъ къ россійскому юношеству— посвятить себя, подъ покровительствомъ Императрицы, изученію наукъ:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ

И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ *) вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ **)
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ ***)
Россійская земля рождать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ.

Заканчивается стихотвореніе обращеніемъ къ Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ:

Тебѣ, о милости источникъ,
О, ангелъ мирныхъ нашихъ дней,
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,—
Противъ Тебя возстать войною.

За то же покровительство просвѣщенію и ученымъ воспѣваетъ Ломоносовъ и новую Государыню Императрицу Екатерину II.

Всѣ стихотворенія Ломоносова полны любовью къ отечеству. Вотъ какъ онъ воспѣваетъ въ одномъ изъ нихъ безпредѣльность Россіи, въ которой никогда не заходитъ солнце:

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство,
Подобное странѣ, Монархиня, Твоей?

---

*) Т. е. стараніемъ, рвеніемъ.
**) Знаменитый греческій мудрецъ.
***) Ньютонъ—великій англійскій астрономъ.

От западa Твое простерлось государство,
От юга, сѣвера и утреннихъ *) полей:
Какъ утреннимъ лучемъ престолъ Твой здѣсь сіяетъ,—
Другую часть страны Твоей покоитъ ночь;
Какъ утрення заря Камчатку озаряетъ,—
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь.
Все то, что скипетръ Твой, Царица, освѣщаетъ,
Востокъ и западъ, югъ усердіемъ горитъ,
Начавши отъ Двины, огнь праздничный пылаетъ
По дальнѣйшій Амуръ, что Хинъ отъ насъ дѣлитъ **).

Въ своихъ стихотвореніяхъ Ломоносовъ далъ образцы того, какъ нужно писать стихи, чтобы они выходили красивыми и звучными. До него никто не умѣлъ такъ писать. Въ особомъ же сочиненіи, озаглавленномъ «Риторика», Ломоносовъ далъ правила, которыя необходимо знать тому, кто хочетъ правильно писать стихотворенія и другія сочиненія. Поэтому-то Ломоносова и называютъ часто «отцомъ новой русской литературы». Но его можно назвать и отцомъ новаго литературнаго языка, т. е. того языка, на которомъ пишутъ книги, и на которомъ говорятъ образованные люди. До появленія его, русскіе грамотные люди писали на церковно-славянскомъ языкѣ и притомъ испорченномъ тѣмъ, что въ него вошло много иностранныхъ словъ. Съ Ломоносова же книги стали писаться и на славянскомъ, и на русскомъ разговорномъ языкѣ, кото-

*) Т. е. восточныхъ, сибирскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, солнце восходитъ раньше, чѣмъ въ Европейской Россіи.

**) Т. е. отдѣляетъ насъ отъ Китая.

рый былъ для всѣхъ понятенъ. Кромѣ того, онъ составилъ научную грамматику, гдѣ изложены и правила правописанія.

Такимъ образомъ, Ломоносовъ былъ и ученымъ, и писателемъ, и учителемъ. Поэтъ Розенгеймъ правильно сказалъ о немъ:

Поэтъ, ученый и философъ,
И другъ народа весь свой вѣкъ,
Таковъ былъ славный Ломоносовъ,—
Великій русскій человѣкъ!

Заслуги Ломоносова сравниваютъ иногда съ заслугами Петра Великаго. Между этими двумя великими русскими людьми есть большое сходство. Петръ Великій сдѣлалъ Россію могущественной державой, Ломоносовъ первый усердно насаждалъ въ ней знанія и старался сдѣлать ее просвѣщенной страной.

Неутомимая, кипучая дѣятельность Ломоносова на разныхъ поприщахъ полезной дѣятельности расшатала его желѣзное здоровье. Онъ сталъ хворать, чахнуть, иногда по нѣскольку недѣль не могъ выйти изъ дому. Узнавъ о его болѣзни, 7 іюня 1764 года къ нему въ гости прибыла Императрица Екатерина II съ придворной дамой княгиней Дашковой, которая потомъ описала встрѣчу Государыни съ Ломоносовымъ. Не велѣвъ о себѣ докладывать, Императрица прямо вошла въ кабинетъ Ломоносова. Старикъ, задумавшись, сидѣлъ у письменнаго стола.

— Здравствуйте, Михаилъ Васильевичъ, — сказала Государыня изумленному Ломоносову.— Я пріѣхала съ княгиней посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи или, лучше сказать, о вашей грусти.

Оправившись отъ неожиданности, Ломоносовъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, Государыня, не я нездоровъ, не я грустенъ; больна и грустна душа моя!

— Полѣчите ее,—съ улыбкой сказала Государыня, — полѣчите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ Новымъ годомъ, вы сказали, что такъ же усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго *). Что же, ужели вы намѣрены измѣнить мнѣ?

— Измѣнить вамъ, Матушка Государыня? Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало.

И старикъ произнесъ стихи:

Твой трудъ для насъ—обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой **),
Твой разумъ—наше просвѣщенье,
И неусыпность—нашъ покой.

Императрица, тронутая такой любовью и преклоненіемъ предъ нею Ломоносова, прослезилась и замѣтила:

---

*) Т. е. къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которую воспѣвалъ Ломоносовъ.

**) Т. е. видимъ въ подвигахъ Императрицы какъ бы стѣну, ограждающую насъ отъ бѣдствій, видимъ въ нихъ опору, защиту.

*

— Вѣрю, вѣрю, Михаилъ Васильевичъ, а чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи будутъ у меня такія же горячія, какими потчевала васъ ваша хозяйка.

Это посѣщеніе Государыни было послѣднимъ радостнымъ днемъ въ жизни Ломоносова, который онъ воспѣлъ въ стихотвореніи «На посѣщеніе Императрицею лабораторіи».

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя монаршески доброты,
Въ благогсвѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру вослѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ *) звукъ.
Коль славенъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Царица, коль твоя велика добродѣтель!

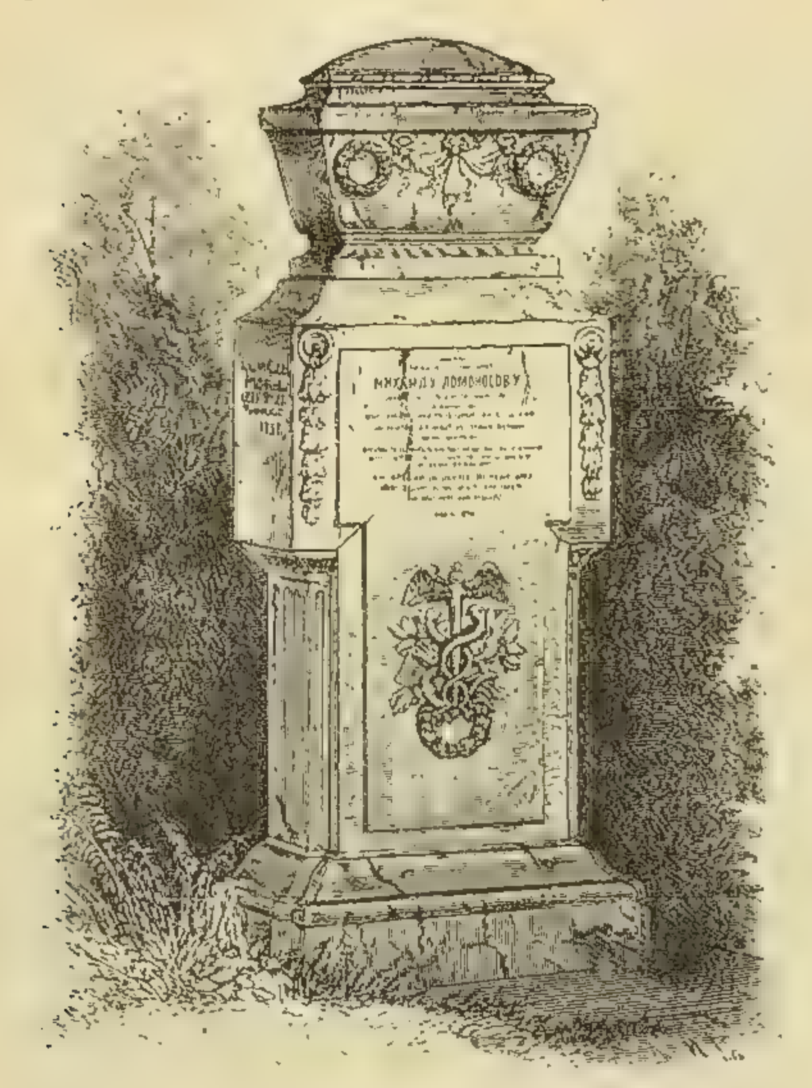
Между тѣмъ, здоровье Ломоносова ухудшилось, особенно послѣ того, какъ въ мартѣ 1765 года онъ простудился и почувствовалъ, что скоро разстанется съ земною жизнью. Но онъ былъ совершенно спокоенъ и не боялся смерти. «Я не тужу о смерти,—писалъ онъ на клочкѣ бумаги незадолго до кончины.—Пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти Отечества пожалѣютъ».

---

*) Т. е. удваиваетъ, увеличиваетъ.

На святой недѣлѣ въ 1765 году его не стало.

И русскій народъ, дѣйствительно, «пожалѣлъ» объ утратѣ этого знаменитаго, принесшаго такъ

Памятникъ надъ могилой М. В. Ломоносова на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ Петербургѣ.

много пользы Россіи, человѣка. Похороны его были великолѣпны. За гробомъ шло множество людей, простыхъ и знатныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, провожая бренное тѣло его въ Александро-Нев-

скую лавру. Между прочими здѣсь присутствовали с.-петербургскій митрополитъ и многіе вельможи. Нѣсколько лѣтъ спустя, его другъ и покровитель графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ воздвигъ на его могилѣ красивый мраморный памятникъ. А въ настоящее время Ломоносову поставлены памятники въ Москвѣ (предъ зданіемъ университета), Архангельскѣ, Холмогорахъ и недавно въ Петербургѣ (противъ зданія Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Еще разъ окидывая взоромъ жизнь Ломоносова, мы поражаемся его необыкновеннымъ умомъ, знаніями и тою волею, съ какой онъ проводилъ свои мысли и планы на дѣлѣ. Къ Ломоносову вполнѣ можно приложить, нѣсколько измѣнивъ, его же слова, въ которыхъ онъ излилъ свое благоговѣйное уваженіе передъ памятью Петра Великаго: «Вездѣ видимъ его въ потѣ, въ пыли, и не можемъ сами себя увѣрить, что бы единъ вездѣ онъ, но многіе, и не краткая жизнь, но десятки лѣтъ». И дѣйствительно, самъ Ломоносовъ трудился за десятерыхъ. Онъ былъ и математикомъ, и химикомъ, и физикомъ, и поэтомъ, и историкомъ, и художникомъ, занимаясь мозаикой *). Поэтому справедливо назвалъ его А. С. Пушкинъ, «первымъ русскимъ университетомъ». Великое значеніе Ломоносова

---

*) Такъ называется искусство составлять картины изъ разноцвѣтныхъ камней и стеклянныхъ кусочковъ. Изъ такихъ картинъ, исполненныхъ Ломоносовымъ, замѣчательны портретъ Петра Великаго и Полтавская битва (не окончена).

для Россіи прекрасно выразилъ и другой поэтъ, А. Н. Майковъ, въ слѣдующихъ стихахъ:

О, дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, такъ глядѣлъ

Памятникъ М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ.
По старинному рисунку.

На ономъ морѣ Ледовитомъ
На чудеса Господнихъ дѣлъ.
Наукой осіянъ и рвеньемъ
Къ величью Родины горя,

Явился ты—осуществленьемъ
Мечты Великаго царя *).
Твоею ревностью согрѣтый,
Очнулся русскій духъ съ тобой **);
Ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы
Былъ животворною душой;
Ты далъ пѣвца Екатеринѣ ***),
Всецѣло жилъ въ ея Орлахъ ****).
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ.

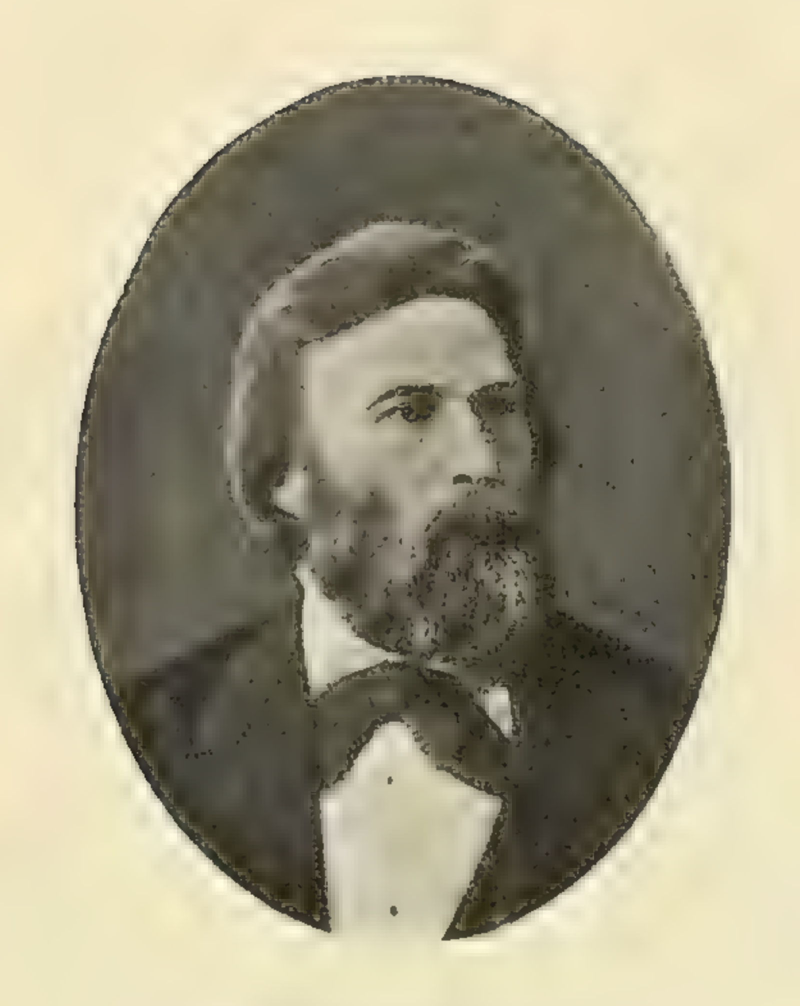
---

*) Петръ Великій, который заботился о просвѣщеніи Россіи.

**) До Ломоносова въ Россіи не было науки, и русскій духъ какъ будто спалъ.

***) Подъ вліяніемъ Ломоносова, скоро появился новый знаменитый поэтъ, Державинъ, воспѣвшій въ своихъ стихотвореніяхъ подвиги Императрицы Екатерины II.

****) Орлы—знаменитые сподвижники и помощники Екатерины Великой: Потемкинъ, Суворовъ, Румянцевъ и другіе.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ,

стихотворецъ (1841—1880).

Иванъ Захаровичъ Суриковъ,

стихотворецъ (1841—1880).

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что въ моихъ твореньяхъ
Нѣтъ тепла и свѣта.
Какъ кому на свѣтѣ
Дышится, живется,
Такова и пѣсня
У него поется.
Жизнь даетъ для пѣсни
Образы и звуки;—
Дастъ ли она радость,
Дастъ ли скорбь и муки,
Дастъ ли день роскошный,
Тьму ли безъ разсвѣта,—
То и отразится
Въ пѣсняхъ у поэта.
Пѣснь моя тосклива...
Виноватъ въ томъ я-ли,
Что мнѣ жизнь судила
Горе да печали?

И. З. Суриковъ.

Подобно Кольцову, Иванъ Захаровичъ Суриковъ былъ вполнѣ народнымъ и самобытнымъ поэтомъ. Народнымъ его можно назвать потому, что онъ вышелъ изъ среды простого народа и въ своихъ стихотвореніяхъ разсказалъ про житье-бытье его, про его думы; самобытность же его открывается въ томъ, что онъ не подражалъ ни одному изъ великихъ поэтовъ, какъ это дѣлали другіе русскіе «поэты-самоучки». Нѣтъ, Суриковъ шелъ въ поэзіи всегда своею дорогой, творилъ самостоятельно, заимствуя складъ и образы своихъ произведеній иногда прямо изъ простона-

родныхъ пѣсенъ. Благодаря этому, Суриковъ, какъ и Кольцовъ, очень близокъ и понятенъ народу по духу и взглядамъ, по чувствамъ и мыслямъ.

Въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ, слышится грусть и тоска, замѣтна мечтательность, а вмѣстѣ съ тѣмъ видна широкая натура, мощь и увѣренность въ себѣ. И эти свойства принадлежатъ не одному Сурикову, а всему русскому народу, отъ котораго онъ ихъ перенялъ, ярко выразивъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ русскомъ народѣ эти именно свойства давно уже воспитались сѣверной природой, величественно-прекрасной, суровой, приковывающей человѣка къ упорному труду для поддержанія жизни. Этотъ трудъ сгоняетъ съ лица веселость и обвѣваетъ его грустью. Такъ опредѣляютъ писатели характеръ русской пѣсни, и все это—знакомое и близкое каждому русскому человѣку—ярко отразилось въ поэзіи Сурикова, въ поэзіи простой, безыскусственной, задушевной, глубоко захватывающей читателя.

Итакъ, и Кольцовъ и Суриковъ,—русскіе по духу, оба народные и самобытные стихотворцы. Между ними много сходнаго, но много и различнаго. Первый жилъ среди широко-раскинувшихся привольныхъ степей, среди богатой и красивой природы, описывалъ ее и деревенскую жизнь. Второй провелъ всю жизнь въ городѣ, въ лавкѣ, торгуя старымъ желѣзомъ и углемъ, и описывалъ жизнь городской бѣдноты. Въ чемъ еще состояла

разница между ними,—объ этомъ нетрудно будетъ узнать изъ подробностей жизнеописанія Сурикова, причемъ выяснятся и причины различія между нимъ и Кольцовымъ.

Иванъ Захаровичъ родился 25 марта 1841 года въ деревнѣ Новоселовѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ крестьянской семьѣ. Семья состояла изъ дѣда и трехъ его сыновей съ женами и сестрами. Въ годъ рожденія Вани дѣдъ умеръ, но семья не распалась. Правда, мужики ушли въ Москву, гдѣ старшій братъ имѣлъ овощную лавку, средній служилъ въ солдатахъ, а младшій, Захаръ Адріановичъ, отецъ Вани, служилъ въ овощномъ погребѣ; но общее хозяйство старой и сплоченной крѣпостной семьи велось женщинами. При небольшомъ оброкѣ, который приходилось платить помѣщику, графу Шереметеву, семья жила въ довольствѣ и ни въ чемъ не нуждалась.

Ваня остался единственнымъ мужчиной въ семьѣ, баловнемъ ея, и женское вліяніе сказалось на немъ рано: онъ сталъ нѣжнымъ, впечатлительнымъ, мечтательнымъ ребенкомъ. Не только свои баловали его, но и чужіе. Съ нимъ подружился графскій садовникъ, Титъ Миронычъ, и часто водилъ любознательнаго мальчика по своимъ цвѣтистымъ владѣніямъ. Затѣмъ мальчика баловалъ и пчельникъ, дѣдушка Климъ, любившій ребятишекъ, про котораго послѣ Суриковъ сказалъ:

Дѣда взоръ такъ тихъ и ясенъ,
Точно свѣтлый день.

Знать, чиста душа у дѣда,
Жизнь прожита не грѣша,
Что на Божій міръ онъ ясно
Смотритъ—добрая душа!

Но особенно близко онъ сошелся съ сыномъ дьячка, Сеней. Съ нимъ онъ игралъ, гулялъ, мечталъ, а разъ они согласились даже отправиться путешествовать на Волгу, но съ полпути были возвращены назадъ какой-то странницей. Кромѣ этихъ лицъ, Ваня любилъ встрѣчаться со странниками, которые цѣлыми толпами шли мимо его деревни въ Угличъ поклониться святынямъ этого древняго города—мощамъ св. благовѣрнаго князя Романа и преподобнаго Паисія; помолиться въ древнихъ обителяхъ и храмахъ угличскихъ и побывать во дворцѣ и церкви «на крови» отрока-мученика, царевича Димитрія, злодѣйски умерщвленнаго въ дѣтскомъ возрастѣ. Богомольцы разсказывали ему про святыя мѣста нашей Руси, про Іерусалимъ, Аѳонъ и воспитали въ душѣ его глубокую вѣру въ Бога. Вообще, дѣтскіе годы въ деревнѣ являлись самыми счастливыми въ жизни Сурикова, и затѣмъ уже ничто въ дальнѣйшей судьбѣ, кромѣ собственныхъ стиховъ, не напоминало ему этой золотой поры. Вотъ какъ онъ впослѣдствіи описалъ ихъ въ стихотвореніи «Дѣтство»:

Вотъ моя деревня,
Вотъ мой домъ родной;
Вотъ качусь я въ санкахъ
По горѣ крутой.

Вотъ свернулись санки,
И я на бокъ—хлопъ!
Кубаремъ качуся
Подъ гору, въ сугробъ.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочутъ
Надъ моей бѣдой.

Все лицо и руки
Залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ—горе,
А ребятамъ—смѣхъ!

Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небѣ темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь съ плечъ долой;
Заберешься на печь
Къ бабушкѣ сѣдой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругомъ;
Только слышишь,—воетъ
Вьюга за окномъ.

Въ уголкѣ, согнувшись,
Лапти дѣдъ плететъ;
Матушка за прялкой,
Молча, ленъ прядетъ.

Избу освѣщаетъ
Огонекъ свѣтца;
Зимній вечеръ длится,—
Длится безъ конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнетъ мнѣ бабка
Сказку говорить:

Какъ Иванъ-царевичъ
Птицу-Жаръ поймалъ;
Какъ ему невѣсту
Сѣрый Волкъ досталъ.

Слушаю я сказку,—
Сердце такъ и мретъ;
А въ трубѣ сердито
Вѣтеръ злой поетъ.

Я прижмусь къ старушкѣ,
Тихо рѣчь журчитъ,—
И глаза мнѣ крѣпко
Сладкій сонъ смежитъ.

И во снѣ мнѣ снятся
Чудные края,
А Иванъ-царевичъ,
Это будто—я.

Вотъ передо мною
Чудный садъ цвѣтетъ:
Въ томъ саду большое
Дерево растетъ.

Золотая клѣтка
На сучкѣ виситъ;
Въ этой клѣткѣ Птица,
Точно жаръ, горитъ.

Прыгаетъ въ той клѣткѣ,
Весело поетъ,
Яркимъ чуднымъ свѣтомъ
Садъ весь обдаетъ.

Вотъ я къ ней подкрался
И за клѣтку—хвать!
И хотѣлъ изъ сада
Съ Птицею бѣжать.

Но не тутъ-то было:
Подняли шумъ, звонъ;
Набѣжала стража
Въ садъ со всѣхъ сторонъ,

Руки мнѣ скрутили
И ведутъ меня...
И, дрожа отъ страха,
Просыпаюсь я.

Ужъ въ избу, въ окошко,
Солнышко глядитъ;
Предъ иконой бабка
Молится, стоитъ.

Въ этомъ стихотворенiи, какъ нельзя лучше, выразилась мечтательная душа ребенка, способная въ свѣтлыхъ грезахъ переноситься въ сказочный мiръ. И, вспоминая о дѣтствѣ, Суриковъ говоритъ:

Весело текли вы,
Дѣтскiе года:
Васъ не омрачали
Горе и бѣда!

Въ другихъ стихотворенiяхъ Суриковъ описываетъ разныя игры и забавы, которымъ безъ заботъ предавался онъ въ дѣтствѣ. Въ стихотворенiи «На рѣчкѣ» онъ разсказываетъ намъ о ловлѣ рыбы острогою при отблескѣ лучины; стихотворенiе «Въ ночномъ» даетъ читателю картину ночной пастьбы лошадей—этой самой любимой работы-забавы деревенскихъ мальчиковъ. Въ стихотворенiи «Кладъ» онъ разсказываетъ, какъ

Лѣтомъ соберутся дѣти на лужайку
И игру затѣютъ въ городки и свайку.

Недолго Ваня наслаждался этою привольною жизнью на лонѣ природы. Отецъ его лишь изрѣдка прiѣзжалъ на побывку, а чаще присылалъ

письма съ поклонами и «родительскимъ благословенiемъ, навѣки не рушимымъ», иногда же, съ оказiей, и гостинцы. Накопивъ денегъ, онъ задумалъ открыть въ Москвѣ собственную лавочку. Благо, и даровой помощникъ будетъ,— сынъ Ванюха! Вѣсть объ этомъ дошла въ деревню на масленой въ 1848 году, когда вся семья сидѣла за чайнымъ столомъ. Узнавъ о скорой разлукѣ съ тѣмъ, что было для него самымъ дорогимъ, Ваня, говорятъ, заболѣлъ горячкой и пролежалъ въ постели три недѣли. Немного спустя, прiѣхалъ отецъ и въ началѣ весны увезъ семью въ Москву. Съ этого времени веселое дѣтство Сурикова кончилось, и началась тяжелая, съ рѣдкими проблесками радости, юность будущаго поэта, а за нею—еще болѣе мрачный зрѣлый возрастъ.

Огромная, шумная Москва поразила семилѣтняго мальчика, но не понравилась ему. Правда, его знакомство съ нею сперва ограничилось лишь овощной лавкой отца и двумя трактирами близъ Спасской заставы, гдѣ отецъ его ежедневно пилъ чай и ѣлъ растегаи. Даже и тогда, когда отецъ въ Троицынъ день показалъ сыну всѣ достопримѣчательности Москвы,—Новодѣвичiй монастырь, Кремлевскiе соборы, колокольню Ивана Великаго, царь-колоколъ, царь-пушку и т. д.,—Москва и тогда не привлекла къ себѣ Ваню.

— А что, Ваня, вѣдь Новоселово-то наше Москвѣ въ подметки не годится?—шутя спросилъ отецъ.

— Тамъ вольнѣе. Тутъ шумно,—промолвилъ Ваня.

И дѣйствительно, въ Москвѣ онъ уже не пользовался той вольностью, что въ деревнѣ. Здѣсь ему было скучно, не было привычныхъ игръ, не было товарищей. Такъ прошло два-три года. Между тѣмъ дѣла отца шли бойко, и онъ перебрался въ богатую часть Москвы, гдѣ жило купечество, въ Замоскворѣчье, на Ордынку. Ванѣ было уже десять лѣтъ. Отецъ рѣшилъ учить его грамотѣ, чтобы имѣть въ немъ настоящаго помощника въ своихъ дѣлахъ. Школъ въ то время было мало, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ теперь,—и Ваня попалъ въ ученіе къ двумъ пожилымъ дѣвицамъ изъ разорившейся купеческой семьи. За небольшую плату онѣ обучали купеческихъ дѣтей письму и рукодѣлію. Одна изъ нихъ, старшая, часто читала Ванѣ Житія святыхъ угодниковъ Божіихъ и этимъ душеполезнымъ чтеніемъ пробуждала въ немъ стремленіе къ иноческимъ подвигамъ; другая же знакомила его съ повѣстями, разсказами и пѣснями, которыя мальчикъ особенно любилъ слушать и затѣмъ самъ пробовалъ пѣть.

Въ это время Ваня перенесъ первое тяжелое горе, оставившее слѣдъ въ чрезвычайно впечатлительной душѣ мальчика на всю жизнь. Умерла его любимая сестренка, 5-ти лѣтняя Оля. Впослѣдствіи поэтъ далъ грустную картину ея смерти въ стихотвореніи, гдѣ представилъ ночь, горящую

у гробика свѣчку и лежащаго въ немъ младенца. Заканчивается это стихотвореніе такъ:

Хорошо ему лежать:
Въ гробикѣ уютно;
Горя онъ не будетъ знать,
Гость земли минутный.

Не узнаетъ никогда,
Свѣтлый житель рая,
Какъ слезами залита
Наша жизнь земная...

Утрата сестры была не единственнымъ горемъ, пережитымъ за это время Ваней. Скоро начался для него цѣлый рядъ непріятностей, правда, чередовавшихся и съ радостями, тѣмъ не менѣе, плохо отзывавшихся на немъ, такъ какъ ему некуда было отъ нихъ уйти, не съ кѣмъ было подѣлиться горемъ, а приходилось безропотно терпѣть. Ваня познакомился съ однимъ мелкимъ чиновникомъ, Ксенофонтомъ Добротворскимъ, у котораго было много книгъ. Добротворскій охотно давалъ ихъ читать мальчику и разговаривалъ съ нимъ о прочитанномъ. Кромѣ того, чиновникъ сталъ учить его правописанію, исторіи и географіи, въ чемъ были слабы его наставницы. Но отецъ, съ гордостью говаривавшій при посторонныхъ о сынѣ: «онъ у меня письменный малый»,— нашелъ, что двѣнадцатилѣтній Ваня достаточно уже грамотенъ, и поставилъ его за прилавокъ— вести счетную часть.

— Къ Ксенофонту у меня, смотри, ни ногой!— заявилъ онъ сыну.—Онъ тебѣ не пара. Веди заборъ *) по лавкамъ, что̀ у кого изъ оптовыхъ

*) Т. е. счетъ забранному въ долгъ товару.

складовъ у мучниковъ беремъ. Въ лавкѣ стой со мной, помогай дѣлу, веди запись выручкѣ, а вечеромъ давай всему отчетъ!

Таковъ былъ наказъ отца. Слѣдовало ему покориться, бросить ученіе, какое оно ни было скудное... Но, улучивъ свободную минуту, Ваня все-таки убѣгалъ къ Ксенофонту, читалъ книги и даже самъ сталъ сочинять коротенькіе стишки—двустишія и четверостишія,—даже записывалъ ихъ иногда на счетахъ, гдѣ обозначенъ былъ товаръ. За это отецъ частенько хмурился, но сдерживалъ себя, видя рвеніе сына къ работѣ. Скоро Ваня написалъ свое первое стихотвореніе «Пожаръ», въ которомъ описалъ случившійся около его дома пожаръ. Это стихотвореніе онъ съ трепетомъ показалъ Добротворскому. Тотъ прочелъ, похвалилъ и, собравъ у себя цѣлую компанію канцеляристовъ и купеческихъ сынковъ, снова перечелъ и сказалъ:

— Молодецъ, далеко пойдешь!

Остальные также восхищались четырнадцатилѣтнимъ стихотворцемъ. Но отецъ иначе взглянулъ на это:

— Иванъ, что эти лодыри къ тебѣ шляются? Я слышалъ: ты имъ пѣсни какія-то пишешь... Вотъ они съ сыта-то и лѣзутъ! Отъ родителевъ достатки у нихъ, хребта своего не гнули... Нынче—гулянки, завтра—гулянки: не линія это.

— Стихи я пишу,—отвѣчалъ сынъ.—Даръ у меня есть къ тому.

— «Даръ», скажите!.. «Дармоѣдство», такъ говори. Кто подарокъ-то тебѣ этотъ далъ?

— Богъ.

— Грѣховодникъ! Изъ простой крестьянской избы, а барчука изъ себя строишь. Тоже... «даръ»! Товарищи-то скажутъ, насмѣются надъ тобой, а ты и уши развѣсилъ. Не махонькій, кажется... Съ пути тебя сбиваютъ.

И лишь много спустя, когда стихи Вани уже печатались въ журналахъ, отецъ сталъ относиться къ этому занятію немного благосклоннѣе, но и тогда дѣло безъ ворчанія не обходилось.

Года два спустя, жизнь Вани на время сдѣлалась немного легче. Расторговавшійся отецъ открылъ на Бронной улицѣ вторую лавку и посадилъ туда сына. Ему можно было теперь свободнѣе вздохнуть. Онъ могъ, когда хотѣлъ, читать книги и заниматься стихотворствомъ. Кромѣ того, юношей-стихотворцемъ заинтересовалась дочь домовладѣльца, у котораго Суриковъ снималъ лавку, Марья Николаевна Любникова. Она давала ему книги и журналы, слушала его стихотворенія и исправляла ихъ, а когда такихъ стихотвореній набралось много, познакомила Ивана съ какимъ-то писателемъ, чтобы тотъ высказалъ свое мнѣніе. Но это мнѣніе было для Ивана ушатомъ холодной воды.

— Лучше вамъ заниматься своимъ дѣломъ,— сказалъ ему писатель.—До поэта настоящаго,—а ненастоящимъ быть не сто́итъ,—вамъ пока далеко еще, да и путь писателя полонъ терній.

Тяжелымъ камнемъ легли эти слова на душу Ивана, но онъ не отчаялся въ своемъ дарованіи, а еще прилежнѣе занялся чтеніемъ и стихотворствомъ, по нѣскольку разъ переправляя написанное.

Когда ему исполнилось 18 лѣтъ, судьба приготовила ему новое испытаніе. Ему пришлось вынести на себѣ тяжелый гнетъ нищеты, такъ какъ торговыя дѣла отца сразу пошли плохо, и онъ разорился. Оставивъ сына и жену у дяди, отецъ уѣхалъ въ Новоселово. Потянулись печальные дни для Ивана и его матери. Дядя былъ черствый, сварливый человѣкъ. Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и постоянно покрикивалъ на Ивана, называя его въ насмѣшку то «купцомъ именитымъ», то «стихотворцемъ». Иванъ и мать работали въ дядиной лавкѣ, какъ рабы безотвѣтные, и за это дядя лишь кормилъ ихъ и держалъ у себя на кухнѣ. Горекъ былъ его хлѣбъ, но Иванъ не питалъ къ нему злобы, и когда, черезъ 15 лѣтъ, дядя заболѣлъ,—племянникъ лѣчилъ его, послѣ смерти дяди похоронилъ его на свой счетъ и много заботился о судьбѣ его сиротъ.

Года черезъ полтора вернулся изъ деревни Захаръ и затѣялъ новое дѣло: сталъ скупать въ ломъ желѣзо, мѣдь, тряпье, разбирать все это и развозить по большимъ лавкамъ. Работа была грязная и тяжелая, но все же жилось лучше, чѣмъ у дяди. Одновременно съ этой перемѣной, Иванъ снова взялся за перо. Тогда же, въ маѣ

1860 года онъ женился на сиротѣ Ермаковой, дѣвушкѣ работящей, любящей и ласковой; раньше она жила у своей тетки, хозяйки мясной лавки. Въ это время Суриковы стали торговать еще и углемъ, и дѣла ихъ на время поправились. Ко всему присоединилось еще одно обстоятельство, увеличившее довольство Ивана Захаровича.

Какъ-то разъ, когда онъ сидѣлъ на лавкѣ, къ ихъ дому подъѣхала карета, изъ которой вышла богато одѣтая дама. Это была Марья Николаевна Любникова. Она подошла къ опѣшившему отъ удивленія Сурикову, поздоровалась съ нимъ за руку и сообщила, что съ нимъ желаетъ познакомиться извѣстный поэтъ А. Плещеевъ*). Суриковъ уже давно полюбилъ Плещеева за его стихотворенія, хотя никогда не видалъ его самого, и, услышавъ о предстоящемъ знакомствѣ, несказанно обрадовался. Тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ къ нему съ какой-то робостью, какъ нѣкогда ходилъ къ старичку Ксенофонту. Плещеевъ принялъ молодого поэта ласково, прочелъ нѣсколько его стихотвореній и въ концѣ бесѣды замѣтилъ:

— У васъ много задушевности, правды и чувства: важныя черты въ поэзіи. Работайте, голубчикъ, у васъ есть талантъ!

*) Выдающійся русскій поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ родился въ Костромѣ, въ 1825 году, умеръ въ 1893 году. Въ числѣ многихъ, замѣчательныхъ, по красотѣ и задушевности, его стихотвореній, есть нѣсколько изъ дѣтской жизни. Они изданы въ сборникахъ подъ заглавіями: «Подснѣжникъ», «Дѣдушкины пѣсни», «Избранныя стихотворенія». Нѣкоторыя изъ нихъ помѣщаются въ школьныхъ хрестоматіяхъ.

Кромѣ этого ободренія, Плещеевъ обѣщалъ напечатать нѣкоторыя изъ стихотвореній Сурикова. И дѣйствительно, въ 1863 году появилось его первое стихотвореніе въ журналѣ «Развлеченіе». Увидя свое первое произведеніе напечатаннымъ, юноша-поэтъ прочиталъ его со слезами радости на глазахъ. «Къ лучшему ли оно явилось на свѣтъ—кто знаетъ?» думалъ Суриковъ съ сомнѣніемъ. Но тутъ же отвѣтилъ себѣ:

— Начало сдѣлано; пусть, что̀ будетъ, то будетъ!

Такъ началась писательская дѣятельность Сурикова. Его восторговъ не раздѣляли лишь отецъ и знакомые отца. Эти знакомые не разъ говорили отцу:

— А съ тобой, братъ, Захаръ Адріанычъ, теперь дѣла-то надо вести съ опаской: сынокъ-то какъ разъ въ «Листочкѣ» *) отпишетъ... Писаки—народецъ же!.. Хлѣбъ-соль водитъ, а глядишь, ни за что продастъ.

Напрасно Иванъ убѣждалъ отца, что онъ и не думаетъ въ своихъ стихахъ позорить его или знакомыхъ. Старикъ постоянно упрекалъ его и раскаивался даже, что далъ обучить сына грамотѣ. Это недоброжелательство окружающихъ тяжело отзывалось на Иванѣ. Кромѣ того, къ прежнему горю присоединилось и новое несчастіе: осенью 1864 года умерла его мать, у которой онъ еще мальчикомъ

*) Разумѣется названіе тогдашней московской газеты.

всегда находилъ утѣшеніе послѣ ругани отца. Въ стихотвореніи: «У могилы матери», Суриковъ разсказываетъ, какъ она говорила ему передъ смертью:—«Безъ меня тебѣ, сыночекъ, горько будетъ жить. Много, много встрѣтишь ты горя, родимый, много вынесешь несчастья, бѣдъ и нищеты».

«И слова твои сбылися, всѣ сбылись они»,—съ грустью кончаетъ онъ.

Дѣйствительно, для Сурикова наступила самая ужасная пора его жизни. Отецъ женился второй разъ, и мачеха стала тѣснить Ивана и его жену. На нихъ же вымещалъ свою злобу и самъ Захаръ. Вслѣдствіе всякаго рода неудачъ, старикъ сталъ пить. Жизнь съ нимъ сдѣлалась невыносимой, и Иванъ съ женой рѣшили поселиться отдѣльно. Но онъ не зналъ никакого ремесла. Ему пришлось туго. Сперва онъ занялся перепиской, потомъ поступилъ наборщикомъ въ типографію. Но здоровье его было уже надорвано и, подышавъ три недѣли свинцовой пылью *), онъ заболѣлъ и слегъ. Денегъ не было. Жена зарабатывала шитьемъ пустяки, ждать помощи было неоткуда, и Иванъ, несмотря на привычку къ бѣдности и лишенія, не выдержалъ: онъ рѣшилъ покончить съ собой...

Въ сѣрую осеннюю ночь, когда жена заснула на пустомъ сундукѣ, Иванъ Захаровичъ поднялся

*) Какъ извѣстно, буквы для типографскаго набора дѣлаются изъ особаго сплава, куда входитъ и свинецъ. Поэтому воздухъ въ наборной комнатѣ вреденъ для дыханія, и люди со слабой грудью, при этихъ условіяхъ, могутъ скоро получить даже чахотку.

съ дивана, захватилъ въ руки дырявые сапоги, картузъ и тихонько, крадучись, вышелъ изъ квартиры. Было сыро и холодно. Моросилъ мелкій дождь. Суриковъ направился къ Каменному мосту, соединяющему Замоскворѣчье съ самымъ городомъ. Но въ послѣднюю минуту, когда онъ уже намѣревался броситься въ воду, — онъ вдругъ очнулся, вспомнилъ свою мать, ея безропотную покорность судьбѣ, ея кроткую вѣру. Ему стало стыдно своего малодушія... Эти минуты отчаянія и внутренней борьбы Суриковъ воспроизвелъ въ стихотвореніи—«На мосту».

Скоро жизнь Ивана Захаровича снова сдѣлалась какъ будто легче. Мачеха бросила отца, сынъ съ женой переселились къ нему и вновь принялись торговать желѣзомъ и углемъ. Все свободное время, всѣ лишнія копейки Иванъ тратилъ на книги. Жажда къ знанію была въ немъ необычайная. Съ отцомъ онъ былъ уже въ ладу, а старыя обиды были забыты. Изрѣдка, по праздникамъ, онъ съ женой ходилъ въ гости и, когда время начинало клониться къ вечеру, онъ торопилъ жену:

— Пойдемъ, Маша, пора! Поди, ужъ тятенька проголодался, можетъ, и скучаетъ.

Свои стихотворенія Суриковъ продолжалъ печатать въ журналахъ и газетахъ, а въ 1871 году выпустилъ ихъ отдѣльной книжкой. Книжку быстро раскупили, и это не только принесло небольшой доходъ, но и ободрило духъ поэта.

Несчастія жизни Сурикова, о которыхъ мы уже знаемъ, разстроили его здоровье и заставили его частенько прибѣгать къ водкѣ, чтобы хоть на мигъ забыться. Это время своей жизни поэтъ описываетъ въ пѣснѣ, которая впослѣдствіи была переложена на музыку и теперь поется въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Нечего и прибавлять, что пѣсня эта—необыкновенно грустная:

Эхъ, ты, доля, эхъ, ты, доля,
Доля бѣдняка.
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька.
Не твою ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?
И не твой ли подъ горою
Сгнилъ до тла овинъ?
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?
Не твоей ли прокатили
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?
Не твоя-ль жена въ лохмотьяхъ
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?
Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?
Не твои ли это слезы
На пиру текутъ?
Не твои ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?
Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой?—
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой;
По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ.
И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска.
Эхъ, ты, доля, эхъ, ты, доля,
Доля бѣдняка!

Пѣсня эта грустна потому, что, описывая въ ней долю бѣдняка, Суриковъ все время думалъ

о себѣ, а его жизнь, за немногими свѣтлыми днями, почти вся была исполнена одного горя. Но онъ скоро очнулся и въ письмѣ къ одному знакомому писалъ: «Я знаю, вы простите и извините всѣ мои вины и ошибки,—я въ этомъ увѣренъ. Вы не станете порицать меня за упадокъ силъ, за временное пьянство въ моемъ прошломъ».

Въ 1873 году книжка стихотвореній Сурикова вышла вторымъ изданіемъ, потому что всѣ его книги, напечатанныя раньше, раскупили, но это не поправило денежныхъ обстоятельствъ. По-прежнему ему приходилось все время работать въ лавкѣ. «Недостаточность средствъ къ жизни,»—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, И. Г. Воронину, тоже поэту-крестьянину,—«принудила меня торговать угольями, и я торгую. Каждый день идетъ пересыпка изъ кулей въ другіе кули, и я хожу, какъ трубочистъ. Если тебѣ когда-нибудь вздумается представить меня, въ какомъ я видѣ нахожусь, взгляни на трубочиста—и будетъ передъ тобою другъ твой, Иванъ Захаровичъ Суриковъ! Тяжело и черно: сморкнешь—угольная пыль, откашлянешь мокроту—угольная пыль,—о, нужда, чего она не заставляетъ дѣлать? Семья,—жена, отецъ, больной женинъ братъ, еще женина сестра,—и всѣ около меня; надежда—одинъ я. Иногда такъ становится тяжело, что поневолѣ склонишь голову и опустишь руки. До умственнаго ли труда въ это время?»

Эта полная трудовъ и заботъ, огорченій и лишеній жизнь окончательно надорвала здоровье Сурикова. Онъ заболѣлъ чахоткой. Докторъ совѣтовалъ ѣхать въ степи, пить кумысъ, но у него не было средствъ. Пришлось постепенно чахнуть въ столицѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ были для Сурикова его друзья-писатели, особенно —вышедшіе, какъ и онъ, изъ простого народа, напримѣръ, Воронинъ, Разореновъ, Тарусинъ, Григорьевъ, Козыревъ и др., въ компаніи съ которыми онъ издалъ сборникъ стихотвореній «Разсвѣтъ». Но и эта книга не дала ему денежныхъ средствъ, а принесла даже убытки. Эти средства появились лишь тогда, когда московскій благотворитель Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ, извѣстный покровитель русскихъ художниковъ и писателей, осенью 1877 года выпустилъ третье изданіе стихотвореній Сурикова, со статьей его друга, учителя Н. А. Соловьева-Несмѣлова, о поэтѣ. На эти деньги Суриковъ могъ наконецъ отправиться въ самарскія степи.

Но болѣзнь была уже запущена, и вылѣчиться отъ нея Суриковъ не могъ. По возвращеніи въ Москву онъ снова принужденъ былъ слечь въ постель. Точно такъ же не помогла ему и вторая поѣздка въ самарскія степи и оттуда въ Крымъ. Онъ уже предчувствовалъ скорое приближеніе смерти, и больной, лежа въ кровати, выразилъ свои тогдашнія необыкновенно мрачныя думы въ стихотвореніи «На одрѣ»:

Смолкли зимнія метели,
Вьюги миновали,
Свѣтитъ солнышко отрадно,
Дни веселые настали.
Поле зеленью одѣто,
Соловьи запѣли;
А меня тяжелый недугъ
Приковалъ къ постели.
Хорошо весной живется,
Дышится вольнѣе,
Да не мнѣ: меня злой кашель
Душитъ все сильнѣе.
И нерадостная дума
Душу мнѣ тревожитъ:
«Скоро ты заснешь на-вѣки,
Въ гробъ тебя уложатъ
И въ холодную могилу
Глубоко зароютъ,
И отъ думъ и отъ заботы
Навсегда укроютъ...»
Пусть и такъ! Разстаться съ жизнью
Мнѣ не жаль, ей-Богу.
И безъ скорби я отправлюсь
Въ дальнюю дорогу...
Въ жизни радости такъ мало,
Горя же довольно.
И не съ жизнью мнѣ разстаться
Тяжело и больно:
Тяжело мнѣ кинуть дѣло,
Избранное мною;
Что, не конча трудъ начатый,
Я глаза закрою.
Жаль мнѣ то, что въ жизни этой
Сдѣлалъ я немного
И своею горькой пѣсней
Даръ принесъ убогій.
Ты прости же, моя пѣсня:
Пѣть нѣтъ больше мочи...
Засыпай, больное сердце,
Закрывайтесь, очи...

Тяжелая жизнь сдѣлала свое дѣло. Въ 39 лѣтъ Суриковъ казался исхудалымъ сѣдымъ старикомъ. 24 апрѣля 1880 года онъ умеръ и погребенъ на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ, возлѣ матери. На его могилѣ К. Т. Солдатенковъ поставилъ мраморный памятникъ.

Раньше мы сказали, что Суриковъ изображалъ, главнымъ образомъ, жизнь городскую, жизнь ремесленниковъ въ столицѣ и всякой бѣдноты, которой полны всѣ большіе города. Самъ извѣдав-

шій много горя, онъ любилъ выбирать въ жизни другихъ однѣ печали и горести, однѣ темныя стороны, мало обращая вниманія на свѣтлыя явленія. Поэтому многіе справедливо называютъ

Памятникъ на могилѣ И. З. Сурикова на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

стихотворенія Сурикова «поэзіей тоски и горя». Часто онъ описываетъ жизнь русской женщины, такъ какъ въ этой жизни больше всего встрѣчается несчастіе, а всякое несчастіе привлекало

къ себѣ любвеобильную душу Сурикова. Въ одной его пѣснѣ женщина разсказываетъ про свое тяжкое горе. Ее насильно выдали родители за нелюбимаго, богатаго человѣка:

Не живу я съ нимъ, а мучаюсь!
Сердце горемъ надрывается;
Не водою лицо бѣлое,
А слезами умывается.
Что богатство мнѣ безъ радости?
Безъ любви душа измаялась...
Безъ поры я, безо времени,
Молодешенька, состарилась...

Въ другой пѣснѣ Суриковъ описываетъ горе молодухи, которую постоянно мучитъ и донимаетъ свекровь своими попреками и нападками. «Точно силой навязалась я,»—говоритъ несчастная женщина,—«на ихъ шею, горемычная. Отъ житья такого горькаго поневолѣ очи всплачутся, потемнѣетъ лицо бѣлое, точно ноченька осенняя». Но еще труднѣе, еще несчастнѣе положеніе женщины, вышедшей замужъ за пьяницу. Въ одномъ стихотвореніи Суриковъ описываетъ, какъ въ сыромъ подвалѣ живетъ сапожникъ съ больною женой и малюткой-дочкой. Почти каждый день онъ напивается, бранится, шумитъ и буянитъ.

Больная не стонетъ. Въ тускнѣющемъ взорѣ
Не боли мученье—душевное горе.
На дочку больная глаза устремила,
Изсохшія руки на груди скрестила.
Не съ жизнью разстаться жалѣетъ бѣдняжка,

Но дочку-сиротку покинуть ей тяжко.
Кто будетъ сиротку беречь и лелѣять?
Кто доброе сѣмя ей въ душу посѣетъ?

Вся жизнь русской женщины представляется Сурикову въ такомъ печальномъ видѣ:

Вотъ ты предо мною,
Дѣвочка-малютка:
Щечки безъ румянца,
Худенькая грудка,
На глазахъ—слезинки,
Грустная такая...
Больно тебя била
Мачеха лихая...
Время шло, ты стала
Дѣвушкой красивой.
Мачеха, чтобъ съ хлѣба
Сбыть тебя скорѣе,—
Выдала бѣдняжку
Замужъ за злодѣя.
Хоть бы лучъ отрады
Былъ тебѣ минутный!
Загубилъ, замаялъ
Мужъ тебя безпутный.

Не только женское, но и всякое горе и тоска трогаютъ Сурикова и находятъ отзвукъ въ его задушевныхъ стихотвореніяхъ. Онъ сочувствуетъ тоскливымъ думамъ солдата, стоящаго на часахъ и вспоминающаго родную деревню, свою избушку и жену:

Чай, теперь на печкѣ спитъ давно она.
Можетъ-быть, ей снится, какъ морозъ трещитъ,
Какъ солдатъ озябшій на часахъ стоитъ?

Ему близко и горе дѣдушки Ѳедота, получившаго отъ внука нерадостное письмо.

Пишетъ внукъ, чтобы не ждали
Денегъ отъ него.
Знаетъ онъ, что деньги нужны,
Что оброкъ стоитъ,—
Гдѣ же взять ихъ? Онъ въ больницѣ
Въ Питерѣ лежитъ.
И едва ли скоро выйдетъ;
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.
Раздавило на́ работѣ
Руку шестерней;
И теперь семьѣ помощникъ
Будетъ онъ плохой.
Хоть и выйдетъ изъ больницы,—
Такъ опять бѣда:
Искалѣченный, безрукій
Годенъ онъ куда?

И какъ вполнѣ русскій человѣкъ, русскій не только по своему происхожденію, но по духу и взглядамъ, Суриковъ во многихъ стихотвореніяхъ скорбитъ о судьбѣ преступниковъ, на которыхъ въ сердобольномъ русскомъ народѣ принято смотрѣть только, какъ на «несчастненькихъ». И Сурикову они кажутся лишь несчастными, въ нихъ онъ видитъ людей, способныхъ исправиться, достойныхъ одного сожалѣнія. И, конечно, больше всего жалость къ нимъ чувствуютъ женщины. Суриковъ изображаетъ такую картину. Женщина задаетъ рядъ вопросовъ о томъ, что сдѣлала бы

она, если бы обратилась въ птичку. Быть можетъ, она полетѣла бы въ частый кустарникъ и тамъ, на волѣ, стала бы распѣвать свои пѣсни? Или стала бы кружиться надъ косарями и пѣть имъ о лучшей долѣ? Быть можетъ, своей пѣснью она убаюкивала бы ребенка въ избѣ?

Нѣтъ! Я полетѣла-бъ съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный, всѣхъ домовъ печальнѣй.
У стѣны высокой ходятъ часовые:
Въ окнахъ смотрятъ люди блѣдные, худые.
Имъ никто не скажетъ ласковаго слова;
Только вѣтеръ пѣсни имъ поетъ сурово.

Въ самомъ дѣлѣ, кто пожалѣетъ преступника, который когда-то совершилъ страшный, быть можетъ, грѣхъ, но теперь настолько очистилъ свою душу искреннимъ раскаяніемъ, страданіями и лишеніями, что достоинъ и лучшей доли? Но страшно не самое наказаніе, тюрьма, потому-что и на свободѣ, если преступникъ убѣжитъ изъ заключенія, ему, все равно, будетъ тяжело, даже тяжелѣе, чѣмъ въ неволѣ. Одинъ изъ такихъ преступниковъ говоритъ:

Не разбой, а бѣдность лютая
Привела меня въ острогъ.
Посадили добра-молодца,
Чтобъ не кралъ, не воровалъ,
У прохожихъ на дороженькѣ
Кошельковъ не отнималъ.
Изъ тюрьмы глухой я вырвался
И скитаюся въ лѣсахъ;
Но и здѣсь я въ злой неволюшкѣ,

Хоть живу и не въ стѣнахъ.
Я скрываюсь, вспоминаючи
Про голубушку жену,
Сердце кровью обливается,
Жизнь и долю я кляну.
Терпитъ муку горемычная,
Но еще того страшнѣй
Вспоминать мнѣ мать родимую
И покинутыхъ дѣтей.

Въ одномъ изъ стихотвореній Суриковъ описываетъ, какъ солнечный лучъ, проникшій въ тюрьму, и птичка-пѣвунья, сѣвшая на желѣзную рѣшетку окна, заставили смягчиться душу озлобленнаго преступника. Правда, скоро солнечный лучъ погасъ, а птичка улетѣла, и снова одиноко лежитъ суровый и угрюмый преступникъ подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей. А все-таки—доброе дѣло, что птичка пропѣла ему; что въ глухую тюрьму солнце заронило лучъ свѣта. Въ другомъ стихотвореніи Суриковъ разсказываетъ, какъ дѣдъ съ внукомъ горячо молились за многихъ обездоленныхъ и забыли о заключенныхъ:

Помолились за родныхъ мы;
Помолились за чужихъ,
За людей, поживших въ мірѣ,
За трудящихся живыхъ.
Помолились... но забыли
Помолиться мы за тѣхъ,
Кто томится въ злой неволѣ
Безъ отрады, безъ утѣхъ.

Лишь въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ изображенію жизни дѣтей или описанію

природы, Суриковъ на время освобождается отъ гнета тоски и горя. Тогда онъ весело, съ надеждой смотритъ на Божій міръ. Вотъ для образца одно изъ такихъ стихотвореній:

Въ заревѣ огнистомъ—
Облаковъ гряда,
И на небѣ чистомъ—
Вечера звѣзда.
Наклоняся, ивы
Дремлютъ надъ рѣкой,
И рѣки извивы—
Въ краскѣ голубой.
Звукъ свирѣли стройно
Льется и дрожитъ;
На душѣ покойно,
Сердце будто спитъ.

Такимъ образомъ, стихотворенія Сурикова проникнуты глубокимъ чувствомъ любви и сочувствія ко всѣмъ, кто страдаетъ, кто несчастенъ, для кого жизнь была не нѣжной матерью, а злой мачехой, какой она явилась и для самого поэта. Вслѣдствіе этого его стихотворенія глубоко трогаютъ и увлекаютъ всякаго.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз. въ бум. 20 к.—**2) Краткій молитвословъ на слав. яз.**, въ бум. 4 к.—**3) Псалтирь учебная**, въ бум. 25 к.—**4) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ**, въ бум. 20 к.—**5) Октоихъ**, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осьми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6) Церковно-славянская азбука.** Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій*: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—**Двѣ таблицы буквъ** къ азбукѣ, 5 к.—**7) Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальн. училищ. съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объяснен. для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій*. Книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая для учениковъ, ц. въ бум. 20 к.—8) *Тернавцевъ В.* **Наша школа.** Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—9) *Кл. Лукашевичъ.* **Сѣятель.** Азбука и первое чтеніе, ц. 25 к.—10) Ея же. **Сѣятель.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, ц. 35 к.—11) Ея же. **Сѣятель. Второй годъ обученія**, ц. въ бум. 40 к.—12) *Ея же.* **Сѣятель. Третій (и четвертый) годъ** обученія, ц. 60 к.—13) *Крупская М.* **Букварь**, ц. 12 к.—14) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* **Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ**, въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—15) *М. Нарскій.* **Ручеекъ.** Книжка для чтенія ц. 40 к. 16) Его же. **Ручеекъ.** Букварь. ц. 7 к. 17) **Начальные уроки по Закону Божію.** *П. С.* въ бум. 5 к.—18) **Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта** (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., ц. въ бум. 20 к.—19) **Начатки христіанскаго ученія**, ц. 6 к.—20) Прот. *П. Смирновъ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—21) Еписк. *Агаѳодоръ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, ц. 15 к.—22) **О богослуженіи православной Церкви.**—Епископа *Гермогена*, въ бум. 20 к.—23) *Титовъ Ѳ.*, прот. **Отечественная исторія** церковная и гражданская, ц. 80 к.—24) **Обиходъ** учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ, ц. 60 к.—25) **Краткое руководство** къ первоначальн. изученію **церковнаго пѣнія** по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 25 к.—26) **Азбука** хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 50 к.—27) *Касторскій.* **Первыя ступени обученія пѣнію**, ц. 20 к.—28) *Цвѣтковъ.* **Методическія замѣтки** о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—29) Его же. **Методическій сборникъ** ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ—ц. 10 к.—30) **Русскія** прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—31) **1001 задача для умственнаго счета.** Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум., ц. 15 к.—32) **Программы для школъ:** а) церковно-приходскихъ, ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—33) **Правила и программы** испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ бум., ц. 5 к.—34) *Михалевъ*, свящ. **Диктанты**, ц. 25 к. 35) **Правила для церковно-учительской школы**, ц. 5 к. 36) **Правила для второклассной школы**, ц. 5 к. 37) **О мѣрахъ къ улучшенію** учебно-воспитательнаго **дѣла въ инородческихъ ц.-пр. школахъ**, ц. 5 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38) **Училище благочестія** или **примѣры христіанскихъ** добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рис., исполненными художникомъ *А. В. Серебряковымъ.* Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—39) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. **Правила богоугодной жизни.** Въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія, Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—40) **Поученія и слово въ недѣлю Ѳомину.**—Протоіерея *І. И. Сергіева.* Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—41) **Слова и поученія** въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—42) **Слова и поученія** въ недѣлю святыхъ женъ муроносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—43) **Слова и поученія** въ недѣлю о самарянынѣ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—44) **Слова** въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—45) **Слова** въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—46) **Бесѣды** о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—47) **Бесѣды** о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—48) **Св. Игнатій** Богоносецъ 6 к.—49) **Св. Поликарпъ**, епископъ Смирнскій, 6 к.—50) **Св. Іустинъ** Философъ, 6 к.—51) **Св. Поѳинъ** и Ліонскіе мученики. 4 к.—52) **Св. Кипріанъ**, епископъ Карѳагенскій. 8 к.—53) Святые

епископы: Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій, 8 к.—54) Святый великомученикъ Георгій, 6 к.—55) Фабіола или катакомбы. Сочин. кардинала *Уайзмена.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—56) *Иннокентій,* арх. Херсонскій. Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, ц. 60 к.—57) Его же. Первая седмица Великаго поста, ц. 25 к.—58) Его же. Молитва святаго Ефрема Сирина. 15 к.—59) Его же. Страстная седмица Великаго поста, ц. 35 к.—60) Его же. Свѣтлая седмица, ц. 30 к.—61) Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ,* 5 к.—62) Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи (980—1200 г.) Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—63) Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—64) Бояринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова.* 15 к.—65) *Гречулевичъ.* Праздники Богородичные. Ц. 12 к.—66) Приключенія Оливера Твиста. Соч. *Диккенса.* Перев. съ англійск. школьн. изданія. Ц. 40 к.—67) Сельская школа. Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго.* Изданіе 5-е. Спб. 1902 г. Стр. 1—371, въ пер. Ц. 1 р.—68) *Рачинскій, С. А.* Школьный походъ въ Нилову пустынь. Ц. 15 к.—69) *Черепнинъ, Н.* Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Ц. 12 к. 70) *Вадковскій, С.* Бесѣды о пользѣ пчеловодства. Ц. 8 к.—71) Избранныя сочиненія *В. А. Жуковскаго.* Ц. 45 к.—72) Мысли о воспитаніи и ученіи. Спб. 1898. Ц. 5 к.—73) Школьная библіотека и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ). 3 к.—74) Сборникъ методическихъ разъясненій. Ц. 60 к.—75) *Загоскинъ.* Юрій Милославскій. Ц. 50 к.—76) Его же. Кузьма Рощинъ. Ц. 15 к.—77) Его же. Брынскій лѣсъ. Ц. 35 к.—78) Его же. Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія. Ц. 35 к.—79) *Козловъ.* Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Ц. 7 к.—80) *Фонвизинъ.* Недоросль. Ц. 12 к.—81) *Загоскинъ.* Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Ц. 50 к.—82) Его же. Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году. Ц. 50 к.—83) Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви. Протоіерея *Г. Дьяченко.* Ц. 5 р.—84) *Завьяловъ.* Римскія катакомбы. Ц. 80 к.—85) Его же. Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ. Ц. 1 р. 30 к.—86) Свящ. *К. Ивановскій.* Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 45 к.—87) То же, сокр. изд. Ц. 10 к.—88) *Поповъ А.* Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Ц. 35 к.—89) Его же. Императоръ Александръ III, ц. 80 к.—90) *Д. И. Троицкій.* Домонгольская Русь, ц. 1 р.—91) Его же. Русь въ монгольскій періодъ, вып. I, ц. 50 к.—92) *Хитровъ, М.* прот. Годъ православнаго христіанина. Ц. 50 к.—93) *Арсеньева, С.* Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ. Вып. I. Ц. 60 к.—94) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—95) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—96) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—97) То же. Вып. V, ц. 60 к.—98) То же. Вып. VI, Ц. 60 к.—99) То же. Вып. VII, Ц. 60 к.—100) Ея же. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. I. Ц. 60 к.—101) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—102) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—103) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—104) То же. Вып. V. Ц. 60 к.—105) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—106) Свящ. *К. Ивановскій.* О христіанскомъ воспитаніи. Ц. 20 к.—107) *Введенскій, Д.* За счастье дѣтей. (Вопросы христіанскаго воспитанія). Ц. 1 р.—108) Его же. Небесныя звѣздочки, ц. 80 к.—109) *Ельницкій, К.* Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Ц. 10 к.—110) *Анастасіевъ А.* Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ. Ц. 30 к.—111) Очеркъ просвѣтительной дѣятельности *Н. И. Ильминскаго.* Ц. 20 к.—112) *Маляревскій I.* Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы. Ц. 18 к.—113) *Воронова Е.* Школа въ Алуштѣ. Ц. 25 к.—114) *Крестьянполь П.* Руководственныя указанія по черченію. Ц. 30 к.—115) *К. Лукашевичъ.* Кирюша юродивый и Бѣлогрудка, ц. 15 к.—116) Ея же. Бѣднота, ц. 15 к.—117) Старый Памфилычъ, ц. 15 к.—118) Тихонъ Михайловичъ, ц. 20 к.—119) Завѣтное окно, ц. 12 к.—120) Изъ жизни бѣдняковъ, ц. 20 к.—121) *Бахтіаровъ А.* Исторія первой печатной книги, ц. 30 к.—122) Его же. Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ, ц. 25 к.—123) *Я. И. Рудневъ,* Очерки странъ и народовъ Азіи, вып. I, ц. 40 к.—124) Его же. Вып. II, ц. 70 к.—125) *Виренiусъ.* Куреніе табака, ц. 10 к.—126) Его же. Спиртные напитки, ц. 12 к.—127) *Соловьевъ-Несмѣловъ Н.* Первый день Рождества, ц. 10 к.—128) Его же. Абросимычъ, ц. 10 к.—129) Его же. Скрипачъ, ц. 12 к.—130) Его же. Панкратъ, ц. 10 к.—131) Его же. Савельичъ, ц. 8 к.—132) Его же. Настя, ц. 10 к.—133) Его же. Подъ снѣгомъ и метелицей, ц. 12 к.—134) Его же. Христа ради, ц. 10 к.—135) Его же. Христославы, ц. 8 к.—136) Его же. Въ степи, ц. 10 к.—137) *Поселянинъ.* Святыя дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ, ц. 30 к.—138) *С. Аксаковъ.* Избранныя сочиненія. Аленькой цвѣточекъ, ц. 5 к.—139) Его же. Изъ записокъ ружейнаго охотника, ц. 7 к.—140) Его же. Семейная хроника, ц. 25 к.—141) Его же. Дѣтскіе годы Багрова внука, ц. 40 к.—142) *Прот. І. Восторговъ.* Императоръ Александръ III, ц. 7 к.—143) Его же. Можно ли христіанину быть соціалистомъ? ц. 3 к.—144) Его же. Доброе слово православно-русскому народу по поводу современныхъ событій, ц. 10 к.—145) Карта Палестины, накл., лакированная, ц. 1 р. 30 к., нелакированная, ц. 1 р. 20 к.; то же, карта ненаклеенная 60 и 50 к.;—146) Карта древняго міра, накл., лакирован. ц. 3 р. 20 к., нелакирован., ц. 3 р.—147) *Мятлева Т.* Подводный міръ, ц. 55 к.—148) Ея же. Язычество и христіанство, ц. 25 к.—149) *Андреевская В.* Золотой крестикъ, ц. 20 коп.

